

ПОБЕДЫ И ГЕРОИ РУССКОГО ФЛОТА

Владимир Шигин

НАВАРИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

БИТВА ТРЕХ АДМИРАЛОВ

Annotation

Новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина посвящена походу русской эскадры в Средиземное море в 1827–1830 годах и одержанной ими победе при Наварине, а также боевым действиям российской армии и Черноморского флота в 1828–1829 годах на Балканах и Кавказе. Среди героев книги император Николай I, контр-адмирал Гейден и капитан 1-го ранга Лазарев, лейтенанты Нахимов, Корнилов, Путятин. Впервые в нашей исторической литературе автор показывает решающее значение русского флота в становлении Греции, как независимого государства.

- [Владимир Виленович Шигин](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Владимир Виленович Шигин

Наваринское сражение. Битва трех адмиралов

© Шигин В.В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава первая

«Азов» поднимает флаг

Царствование императора Николая I российский флот встретил мятежом гвардейского экипажа. С кличем «За Константина и жену его – Конституцию!» матросы вышли на Сенатскую площадь. Затем был карточный расстрел восставших и гражданская казнь главных виновников (из числа морских офицеров) на линейном корабле «Князь Владимир», когда старый адмирал Кроун самолично ломал над головами дерзнувших офицерские кортики...

Корабельное офицерство отнеслось к событиям декабрьским равнодушно. Гвардия есть гвардия, у них свои причуды, а наше дело моряцкое: поднимай паруса да крути штурвал! Восшествие Николая флот встретил с робкой надеждой на день свой завтрашний. На шумных офицерских попойках мичмана и лейтенанты, подперев руками отяжелевшие головы, мечтали о больших походах и блестящих победах. Капитаны ж, вечерами карты тасуя, солидно рассуждали, что новый государь не в пример старому умен и моряков, как его предшественник брат Александр, ненавидеть не станет.

В словах капитанских была горькая истина! При императоре Александре флот вниманием не баловали. Корабли по несколько лет кряду гнили в портах, так и не сделав ни одной кампании. Когда ж случалось производить смотры высочайшие, то наскоро выкрашивали один из бортов, и начальство этим довольствовалось. Оба александровских морских министра – и маркиз де Траверсе, и барон фон Моллер – нанесли флоту гораздо больше вреда, чем пользы. Экономя на сущей ерунде, они шутя пускали на ветер миллионы.

Дело дошло до того, что в 1824 году во время сильного наводнения, когда стихия разрушила часть Кронштадта и Петербурга, сорвала с якорей корабли, под общий шум было списано на слом более половины флота, включая и неповрежденные новые корабли. Уничтожив собственный флот, морской министр несказанно обогатился, списав корабли на дрова! Подобного мировая история еще не знала!

Знаменитый мореплаватель Головнин, бывший в ту пору генерал-интендантом Морского министерства, с горечью констатировал: «Если гнилые, худо и бедно вооруженные и еще хуже и беднее того снабженные корабли, престарелые, хворые, без познаний и присутствия духа флотовожди, неопытные капитаны и пахари под именем матросов, в корабельные экипажи сформированные, могут составить флот, то мы его имеем».

Нелюбовь Александра I к флоту поражала современников. Чего там было больше непонимания или упрямства, сказать трудно. В минуты откровения император признавался близким:

– Я вообще не признаю значения морской силы для России. Деньги на флот уходят как в прорву, а толку от этого нет никакого! Для островитян-англичан корабли, быть может, и полезны, для нас же это сущее разорение!

Когда-то, вступая на престол, Александр, обращаясь к морякам, заявил во всеуслышание:

– Я извлеку наш флот из мнимого существования в подлинное бытие!

К концу царствования об этих словах никто уже и не упоминал. Российский флот «дней Александровых прекрасного начала» так и не дождался. Впрочем, кто из сильных мира сего, входя во власть, не обещал легко народу всяческих благ, потом столь же легко напрочь забывая о сказанном по прошествии определенного промежутка времени? Увы, но так было во все времена...

Кому-то может показаться невероятным, но одно время Александр даже носился с идеей передачи всего русского флота англичанам, и лишь открытое возмущение против этой затеи большинства высших сановников заставило императора отказаться от своего сумасбродного плана.

Сегодня может показаться дикостью, но штурманам российским в те годы было велено приобретать инструмент навигационный за свои кровные. А потому как получали штурмана в то время мало и были по причине своей худородности не допускаемы даже в кают-компанию, страдали они от такого приказа крепко. Семьи штурманские едва ли попрошайничеством не побирались, а сами навигаторы питались тем, что со стола офицерского останется.

Главным мерилom служебного рвення в ту пору стала красивость строевого шага, выправка и удаль в ружейных приемах. За согнутые колени и сутулость в строю выгоняли со службы даже самых заслуженных!

Немногим лучше бедолаг штурманов жило и корабельное офицерство. Ближе к осени спускали офицеры с судов кронштадтских баркасы, грузили в них кадки с ведрами и, объединясь во флотилии, уходили на тех баркасах в финские шхеры. Спустя несколько дней возвращались обратно, доверху нагруженные грибами да ягодами. Часть добычи шла матросам, другая ж (большая) на кормление семей офицерских. Тем и жили. Ворovali по этой причине тоже изрядно. А тот, кого ловили, рвал пред всеми на груди рубаху:

– У меня семеро по лавкам! Куды я их на рупь с полтиной подниму! Им што, подыхать!

Одни, терзаясь совестью, брали на прокорм. Вторые, не терзаясь, – на пропой. Третьи, совесть свою совсем потеряв, – на обзаведение. В последнем преуспевал среди иных люд портовый, чиновный. Никого не удивляло, что госпитальный смотритель, сошка мелкая, но нужная, не таясь, возвел в центре Кронштадта каменный особняк. Рядом с ним вперегонки возводили хоромы из ворованного корабельного леса мастера-корабельщики.

У офицеров корабельных в цене были перегоны архангельские, когда «посуху» в город Архангельский за новостроенным кораблем едут, а затем его вокруг Скандинавии на Балтику под парусами гонят. Выгода в тех перегонах была большая. Прибывшие на верфи Соломбальские перво-наперво скупали у простодушных поморов пудами старые медные, еще екатерининские пятаки, затем уж при стоянке в Копенгагене продавали ту медь с выгодой и тут же на деньги вырученные закупали контрабандный ром, который с еще большей выгодой перепродавали затем свои сослуживцам в Кронштадте и Ревеле. К прискорбию, подобных приработков многие не то что не стеснялись, а наоборот, почитали за молодечество!

Бывало, придет новостроенный транспорт в Кронштадт, а на нем – ни якорей, ни парусов.

– При шторме-то и смыло за борт! – вздыхает капитан, глаза пряча.

– Так штормов у нас, почитай, какой месяц и не было! – начнет допытываться какой-нибудь умник из начальства.

– Что-то вы, Савелий Палыч, как вчерась родились! – изумляется на то капитан. – Да продал я стаксель с верп-якорем купцу голландскому. Цену сторговал хорошую, и вам доля немалая!

– Ладно, Никитич, – смягчался сразу начальник, затылок в раздумьях почесывая. – Чего-то и впрямь шторма зачастили!

Сам Александр I в минуту откровения как-то пожаловался ближним:

– Вокруг одни воры и проходимцы! Они бы с радостью украли у меня последние линейные корабли, если бы знали только, куда их можно спрятать!

Разумеется, что и при самом жутком развале оставались честные и неподкупные. Но ой, как им было тяжело! А потому ждали они нового царства, что манны небесной, в трепетном ожидании возможных перемен.

Конец царствования Александра ознаменовался рядом кругосветных плаваний, организованных не благодаря, а скорее вопреки императору на голом энтузиазме и порыве наших моряков.

Два отряда кораблей были посланы в ледовые океаны: один на север искать морской путь с востока на запад, второй на юг искать загадочную «Терра Инкогнита».

Подвиг шлюпов «Восток» и «Мирный» известен каждому. Беллинсгаузен с Лазаревым открыли не только множество островов, но и целый, дотоле неведомый материк – Антарктиду. Начальнику Северной дивизии капитану 2-го ранга Васильеву не повезло. Его шлюпы не смогли пробиться через Берингов пролив далеко на север и отступили. И хотя вины Васильева в том не было никакой, Петербург встретил его убийственной эпитафией:

Васильев, претерпев на море разны бедства,
Два чучела привез в музей Адмиралтейства.

Во все времена публике были нужны лишь победители, а не побежденные. К моменту воцарения Николая I Андреевский флаг развевался уже по всем земным океанам: у берегов русской Америки нес службу шлюп «Предприятие» Отто Коцебу, в Индийских водах плыл транспорт «Кроткий», в Южной Атлантике штормовал шлюп

«Моллер» капитана Станюковича, а в Кронштадте готовился к кругосветному вояжу транспорт «Сенявин».

В первые же дни своего восшествия Николай I дал флотским понять, что возложенные на него надежды не беспочвенны. Новый император начал возрождение морской мощи с того, что вернул из отставки героя Калиакрии, Афона и Дарданелл, кумира флотской молодежи вице-адмирала Дмитрия Сенявина. Старику тут же был дан чин полного адмирала и звание генерал-адъютанта. Затем, как при каждом новом воцарении водилось, образовал император комиссию по «воссозданию флота». Из руководства морского Николай разогнал безжалостно немощных и никчемных.

За развал флота поплатился вице-адмирал Моллер (правда, далеко не сразу), его пощадили от отдачи под суд «единственно только по снисхождению и долговременной прежней усердной службе». Новый император давал дорогу молодым и дельным: Беллинсгаузену, Головнину, Крузенштерну. Для надзора же за порядком приставил своего любимца князя Меншикова, в деле морском сущего неуча, но царедворца и остроумца известного. Пока Меншиков был определен лишь наблюдателем, но виды на него император имел министерские.

По приказу нового императора произвели ревизию наличного флота и ужаснулись. На всей Балтике к плаванию оказались годными лишь корабль «Эммануил», да два фрегата – «Меркуриус» и «Диана»! Перепуганный Моллер пытался было приписать к ним линейный корабль «Лейпциг» со «Святым Петром», но те, как оказалось, дальше Бельтов пускать было нельзя, иначе рассыпятся.

– И это все?! – пришел в ужас император.

– Все, но не совсем, ваше величество, – задрожал бумажкой в руках Моллер. – В ремонте корабли «Фершампенуаз», «Царь Константин» с «Еленой», в достройке «Александр Невский», «Азов» и «Иезекиль» с бригами «Усердие» и «Охта».

– Но ведь «Эммануил» – не корабль линейный, а всего-навсего фрегат, почему же вы его в кораблях числите! – тут же разоблачил Моллера император.

– Только для удовольствия вашего величества! – обреченно опустил голову глава морского ведомства.

– Что ж! – после долгого и тягостного молчания произнес Николай. – Будем строить флот заново. Лишь бы только не опоздать со

временем!

Тотчас были отпущены немалые деньги, и началась усиленная постройка кораблей. Вскорости произошли и другие изменения в жизни российского флота: отменили давно изжившую себя Адмиралтейств-коллегию и учредили Главный морской штаб, изъяли чин капитана бригадного ранга и ввели должность дежурного адмирала.

Сам Николай, подражая своему великому предку, считал себя и известным инженером.

– Чтоб немедля заменили пеньковые штуртросы на кожаные, а кройт-камеры стали оббивать листом свинцовым! – наставлял он морского министра Моллера. – О ходе работ докладывать мне лично!

Тот только записывал.

Закрутилось, завертелось! Полетели приказы, наказы и инструкции, оживился Кронштадт. Забегали чиновники. Повеселели моряки.

– Дай-то Бог! Дай-то Бог! – крестились старики-ветераны, не одно «восстановление флота» пережившие. – Чтоб в ентот раз навсегда и всуерьез за дело морское взялись!

* * *

5 августа 1825 года командир фрегата «Крейсер» капитан 2-го ранга Михаил Лазарев 2-й был вызван в Главный морской штаб. Начальствующий там вице-адмирал Моллер (уже томившийся в это время в ожидании суда или отставки за воровство), не задерживая капитана 2-го ранга в приемной, сразу пригласил его в свой кабинет.

– Ну-с, Михаил Петрович, присаживайтесь! – махнул рукой на стоявшую рядом резную стулу Моллер. – Должен вас обрадовать, что государь, несмотря на всю свою занятость, не забыл о вас и не далее как день назад велел мне подыскать для вас хорошую должность!

– Премного благодарен его величеству и вам, господин вице-адмирал, за работу и внимание к моей особе! – сидевший на краю стула Лазарев нервно теребил парадную треуголку.

– Принимая во внимание ваши заслуги перед Отечеством и, прежде всего, успешное завершение последнего вашего

вокругосветного вояжа, – продолжал начальник штаба, – мы сочли возможным предложить вам капитанство на новостроящемся в Архангельске 74-пушечном корабле.

– Лучшая награда моряку – это хорошее судно! – радостно улыбнулся капитан 2-го ранга. – Столь высокое назначение почитаю за честь!

– Вот и славно, – потер пухлые ладошки Моллер. – Более вас не задерживаю. Ждите официального приказа!

Весь обратный путь до Кронштадта в продуваемом ветром баркасе Лазарев напряженно обдумывал, как теперь ему скорее завершить дела по сдаче к порту своего фрегата, оприходованию «остатных припасов» и расформированию команды.

Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 года во Владимире в дворянской семье. После смерти отца, сенатора, три его сына – Андрей, Михаил и Алексей – по высочайшему соизволению императора Павла были зачислены кадетами в Морской корпус.

Известно, что за «отличные успехи» во время обучения в Морском корпусе Михаил Лазарев был премирован секстантом. В 1803 году произведен в гардемарины и по распоряжению правительства в числе 30 лучших выпускников корпуса был отправлен в Англию для службы волонтером. Проведя 5 лет в непрерывных плаваниях в Атлантическом океане, Средиземном море, а на судах Ост-Индской компании – и в Тихом океане, неоднократно участвуя в боях с французскими кораблями, Лазарев вернулся в Россию уже опытным офицером.

Служба в британском флоте оставила неизгладимый след в характере «юноши острого ума и благородного поведения», как аттестовали его английские капитаны. Именно здесь молодой Лазарев проникся чувством долга к службе, любовью к морю, стремлением достигнуть в каждом деле наилучшего результата. Однако пребывание на английском флоте приучило Лазарева и к иному. Отныне до конца своих дней он будет достаточно жесток в обхождении с матросами.

Во время начавшейся вскоре войны с Англией и Швецией мичман Лазарев служил на линейном корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханькова. Именно тогда он вызвался в числе других охотников идти на помощь атакованному при Рогервике английскими кораблями и пленному линкору «Всеволоду». Вскоре после этого Лазарев

вернулся в эскадру Ханыкова, на которой служил до конца сентября 1808 г.

В феврале 1811 года Лазарев уже лейтенант. В Отечественной войне 1812 года, служа на бриге «Феникс», он участвует в высадке десантов в районе Данцига, предпринятых с целью отвлечения от Риги французов.

Получив боевое крещение в сражениях с французскими корсарами, побывав в плену, поучаствовав в двух войнах, испытал на себе все тяготы морской службы, Лазарев проникся глубоким убеждением, что «всякое положение человека, прежде всего, возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным их выполнением связана не только служебная, но и личная честь».

Значительно превосходя организаторскими способностями окружавших его офицеров, Лазарев был всегда ценим начальством. Когда в 1813 году Российско-Американская компания обратилась с просьбой к морскому министру назначить офицера для командования новым компанейским кораблем «Суворов» в предстоявшем ему кругосветном плавании, был выбран именно он. Факт сам по себе поразительный, ведь опытных капитанов для столь трудного, но почетного мероприятия было предостаточно.

1 сентября 1813 года молодой офицер принял в командование свой первый корабль, который должен был доставить груз на остров Ситху через Северное море, Атлантический и Тихий океаны. Это первое кругосветное плавание Лазарева на Аляску, во время которого им были открыты необитаемые коралловые острова, названные островами Суворова, продолжалось без малого 3 года. Здесь заслуживает внимание и судебный процесс, выигранный лейтенантом против тогдашнего начальника колоний Российско-Американской компании Баранова. Самовластие Баранова заставило Лазарева самовольно оставить Ситху, под выстрелами батареи. Дирекция компании вначале протестовала против такого поступка, но потом, удостоверившись в крайнем положении командира и офицеров «Суворова», окончила спор отставкой Баранова с поста правителя Аляски.

Трудности этого возвращения – без медика и суперкарго – показали решительный и твердый характер Лазарева и его глубокие

познания в морском деле, что во многом способствовало его последующей карьере.

1 сентября 1816 года «Суворов» благополучно бросил якорь в Кронштадте, и Лазарев, сдав его компании, снова возвратился в разряд флотских офицеров. В 1817 году за выслугу на море 18-ти шестимесячных компаний он был в соответствии со статутом награжден орденом Святого Георгия 4-го класса.

Лето 1818 года лейтенант Лазарев провел на корабле «Память Евстафия» в плавании по Финскому заливу, а в 1819–1821 годах, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в своем втором кругосветном плавании в экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Фаддея Беллинсгаузена, направленной для исследования Южного Ледовитого океана. Плавание это длилось 751 сутки, за время которых было пройдено 49 тысяч миль. Во время экспедиции, как известно, была открыта Антарктида, обойден вокруг антарктический материк и нанесено на карту около 30 новых островов.

В связи с успешным завершением Антарктической экспедиции лейтенант Лазарев был произведен через чин в капитаны 2-го ранга «за отличие» и пожалован пенсией по чину лейтенанта, а спустя год награжден еще и орденом Владимира 4-й степени.

Назначенный командиром 36-пушечного фрегата «Крейсер», Лазарев почти сразу отправился на нем в свое третье кругосветное плавание – на остров Ситху, из которого возвратился спустя 3 года, в 1825 году. Среди офицеров шлюпа были лейтенанты Нахимов, Бутенев и Завалишин (будущий декабрист), мичманы Домашенко и Путятин. Все лучшие из лучших!

Вместе с «Крейсером» к Аляске был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Петровича Лазарева – старшего брата Михаила Петровича.

Русские корабли у берегов Аляски вели отчаянную борьбу с американскими и английскими браконьерами, хищнически бившими в наших водах пушного зверя и ведшими контрабандную торговлю оружием с туземными племенами. Во время этого плавания экипажем фрегата была также проведена и серия широтных научных исследований по океанографии и метеорологии.

Вокруг него объединялись наиболее способные и инициативные молодые офицеры: на «Крейсере» – Нахимов, Путятин, Завалишин.

Блестящий вид фрегата «Крейсер» при возвращении в Кронштадт после трудного и длительного похода, образцовый порядок на корабле вызвали всеобщее изумление. За успешное выполнение задач этого плавания Лазарев сразу же получил чин капитана 1-го ранга, орден Владимира 3-й степени и был пожалован пенсией по чину капитана 2-го ранга.

Теперь же Лазареву предстояло подняться на высшую из капитанских ступеней – стать командиром новейшего линейного корабля – честь, о которой всегда мечтал каждый настоящий морской офицер!

* * *

После рождественских праздников Лазарев 2-й отправлялся в Архангельск. Вместе с капитанской должностью он прицепил на свой сюртук и новенькие эполеты капитана 1-го ранга. Ехали целым санным поездом. Используя все свои связи, Лазарев забрал на новостройку почти половину своего старого экипажа. Из офицеров с ним поехали лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Ефимий Путятин и Александр Домашенко. Помимо личных вещей везли с собой немало и корабельного имущества. С особой бережливостью оберегали ящик с навигационным инструментом. За ящик отвечал мичман Домашенко, который и спал, обнявшись с вверенным ему казенным добром.

Архангельск встретил балтийцев пронзительным ветром и мокрым снегом.

– Точь-в-точь как у нас в Кронштадте, а ишо север! – делились впечатлениями промеж себя матросы.

Матросов разместили в казармах местного флотского экипажа, офицеры сняли квартиры. Павла Нахимова прямо с саней забрал к себе квартировать друг и однокашник по Морскому корпусу Миша Рейнеке, только что назначенный начальником Беломорской гидрографической экспедиции. Едва вещи по углам закинули, и сразу все на верфь. Там среди бревен и сугробов уже высился огромный корабельный короб. При виде будущего корабля матросы кричали «ура», офицеры радостно жали друг другу руки.

А через пару дней Лазарев вступил в хозяйственное наблюдение за кораблем и начал принимать в его достройке самое деятельное участие. Корабельный мастер Никита Иванов, много разных капитанов на своем веку повидавший, не зная, печалиться или радоваться этому последнему, уж слишком дотошному! С одной стороны, ну кому понравится, когда в твои дела то и дело встречаются и с советами лезут, с другой – однако чего печалиться, когда советы те порой весьма дельные и дает их капитан весьма к званию твоему и годам уважительно.

По предложению «неугомонного капитана Лазарева» и его офицеров на достраиваемом корабле то и дело что-то переделывали и меняли.

Работный люд ворчал:

– И принесла нелегкая умников на нашу голову: это им не так, другое не этак!

Матросы лазаревские на слова такие обижались:

– Вот ты, душа плотницкая, топориком постукал и к бабе своей под бок на печь, а нам на кораблике, тобою кое-как сделанном, по окиянам плыть! Так неужто ты, душа окаянная, хочешь, чтоб кораблик твой от волны рассыпался, а наши бабы вдовами стали?

– Ладно вам! – махали рукавицами плотники да конопатчики соломбальские. – Мы свое дело без вас знаем. Наши кораблики хоть семь окиянов проплывут, и ничего им не станет!

Вечерами офицеры собирались у гостеприимного Миши Рейнеке. «Крейсерцы» вспоминали о недавнем кругосветном плавании, Рейнеке рассказывал о Беломорье...

Разговоры заводил обычно розовощекий Ефимий Путятин. Обпившись чаю и вытирая полотенцем вспотевший лоб, он важно начинал:

– А помните, господа, бурю на траверзе Сан-Франциско? Когда мы штормовали без малого две недели. Могу вам задним числом нонче признаться, уж на что я крепок и стоек, но и то мысленно тогда со всеми домашними распрощался!

Павел Нахимов, рыжий и ироничный, улыбаясь, кивал:

– Помним, помним, Ефимушка, как ты царю морскому «ура» кричал, Михайле Петровичу весь сюртук обрызгать изволил!

– Ну, это с кем не бывает, – супился Путятин. – Поди разбери, куда обед из себя выбрасывать, когда такая круговерть вокруг!

– Господа! Господа! А помните, как в порту Дервентском, по джунглям гулявши, мы заблудились, а доктор Алиман, испугавшись, плакал и просил не бросать его на съеденье тамошним зверям! – скороговоркой закричал со своего места наивно-простодушный Саша Домашенко. – Вот смеху-то было!

– Положим, смеху было, когда из чащоб тех нас туземец местный вывел, а до того что-то не припомню, чтобы кто-то хохотал! – вставил со своего места Иван Бутенев, серьезный и рассудительный.

...Гуляя вечерами по дощатым архангельским тротуарам, Нахимов с Рейнеке вспоминали Морской корпус и однокашников.

– А что, Павлуша, нынче с Завалишиным? – спрашивал Нахимова Рейнеке. – А то здесь о нем разное болтают...

– Митрий нынче в крепости Петропавловской сидит за участие в обществе преступном рылеевском. Мы еще на «Крейсере» в Новоархангельске стояли, как туда пришел именной указ немедленно отправить его в Петербург. Так на попутном компанейском карбасе и уплыл. Сколько ни спрашивали, за что, так ничего не сказал.

– Ну а Володьку Даля встречал ли в столице?

– Виделся пару раз после возвращения с морей. Даль нынче докторством практикует, да еще говорит, что на досуге словесностью баловаться начал, поговорки да прибаутки деревенские записывает.

– Вот как жизнь нас, Павлуша, раскидывает, – вздохнул Рейнеке. – Кому море, кому словесность, а иным и острог!

Вскоре главный командир архангельского порта вице-адмирал Миницкий вызвал к себе Лазарева и командира второго достраивавшегося корабля капитана 2-го ранга Иосифа Свинкина.

– Его императорское величество милостиво соизволил дать наименование вашим кораблям, – торжественно объявил он. – Отныне корабль, где капитанствует Михаил Петрович, следует именовать «Азовом», а тот, где Иосиф Иваныч, – «Иезекилем». Объявите о том командам и примите мои поздравления!

В тот день обе команды от работ были освобождены. Матросам Миницкий от порта выкатил несколько бочек вина, а офицеры обоих «новопоименованных» кораблей прочно засели в местной

ресторации. До глубокой ночи оттуда доносились возбужденные голоса:

– Офицеры «Иезекиля» презентуют азовскому столу ящик шампанского!

– «Азовцы» отвечают с «Иезекиля» двумя!

В марте оба корабля были освящены и спущены на воду, довооружены и сделали по несколько пробных выходов в море. Пополнились и команды. Еще одна партия офицеров прибыла из Кронштадта, а матросами укомплектовались из здешнего экипажа.

Затем, когда оба командира доложили главному командиру порта о готовности к плаванию, Миницкий зачитал им приказ Моллера об образовании особого отдельного отряда кораблей, переходящих из Архангельска в Кронштадт. В отряд помимо «Азова» и «Иезекиля» вошел и 24-пушечный шлюп «Спокойный», доставивший прошлым летом в Архангельск артиллерийские стволы для строящихся кораблей. Начальником отряда был определен Лазарев.

Когда командиры вышли из конторы командира порта, седой Свинкин, помнивший еще далекие и славные екатерининские времена, с сожалением сказал:

– Ну вот, вы, Михаил Петрович, и обходите нас, стариков!

Неловко почувствовавший себя Лазарев лишь развел руками:

– Не от меня то зависит, Иосиф Иваныч, а что назначили меня, там им, на паркетах, виднее, кого из нас куда распахивать!

– Да нет, – усмехнулся сквозь редкие усы Свинкин. – Я на вас не в обиде, а на переходе за меня не волнуйтесь – старый конь борозды не портит!

Перед выходом в море простились и Нахимов с Рейнеке.

– Искренне завидую тебе, Павлуша! Большому кораблю – большое плавание! – обнял друга Рейнеке.

– Твое дело, Миша, тоже не из последних. Я ж твердо обещаю тебе, что обо всех событиях моей жизни и службы непременно буду тебя извещать!

5 августа 1826 года 74-пушечные корабли «Азов» и «Иезекиль» в сопровождении 24-пушечного шлюпа «Спокойный» вышли на бар, а затем, вступив под паруса, взяли курс на неблизкий Кронштадт.

Частые штили и тихие переменные ветра почти на две недели задержали отряд в Белом море, затем начались шторма. В целом

плавание, однако, прошло без особых происшествий, если не считать, что «Иезекиль» потерял в шторм шлюпку и трех человек, а на «Азове» при свежем ветре переломилась грот-марса-рея.

Первые дни команды питались припасенным свежим мясом и зеленью, затем, как всегда, с сожалением перешли на солонину и кислую капусту. В достатке было и столь любезной матросскому сердцу сушеной трески.

Много занимались различными доделками. Соблюдая осторожность, «обкуривали» огнем трюм, выгоняя сырость еще мокрого дерева. Играли учения парусные и артиллерийские, кладя в стволы пороху четвертую долю против ядра.

Из письма П.С. Нахимова М.Ф. Рейнеке: «...Кампания наша началась довольно неприятно; мы вытерпели на море жесткий шторм от NW, так что нижние реи были спущены... Под парусами ничего не случилось примечательного, кроме того, что мы потеряли грот-марса-рей и презабавно – в бомбрамсельный ветер, без волнения, днем; никто не знает истинной причины... Выхожу я с седьмого до первого на вахту сменить Шемана, спрашиваю, что сдачи. Он говорит, что шлюп отстаёт и он, по приказанию капитана, взял первый риф. Марса-фал был не очень туго поднят, я спрашиваю: больше ничего? В это время сломился грот-марса-рей. “А вот вам ещё сдача!” – отвечает он. Но это послужило в пользу нашей дурной команде. Ветер вдруг начал свежеть и скоро вогнал во все рифы, так что развело порядочное волнение. Однако ж мы довольно скоро исправили свое повреждение. В Шкагерাকে прихватил нас крепкий NW, мы зашли в Винго, и я оттуда успел съездить в Готеборг; поступил там не хуже, чем в Лондоне, то есть – издержал много денег. Не знаю, жалеть ли об них? Мне кажется, каждый морской офицер обязан поступать таким образом. Пробывши долгое время в море в беспрестанной деятельности, можно ли, ступивши на берег, отказать себе в чем-нибудь, что доставляет удовольствие? В Копенгагене за противным ветром простояли три дня. В Кронштадт пришли 19 сентября... Вообще, кампания наша кончилась очень приятно, не было никаких неудовольствий, и офицеры между собой были очень согласны. Надо послушать, любезный Миша, как все относятся об капитане, как все его любят! Право, такого капитана русский флот не имел, и ты на будущий год без всяких

отговорок изволь переходить к нам в экипаж, и тогда с удовольствием моим ничто не в состоянии будет сравниться! Прощай».

Первым по прибытии «Азова» в Кронштадт побывал на нем командующий эскадрой адмирал Кроун, въедливый и дотошный старик. Корабль ему понравился, и адмирал на прощание пожал руку Лазареву:

– «Азов» ваш отличается примерной опрятностью и обращает внимание своею чистотой. Об этом я буду докладывать начальству!

Затем после череды мелких проверок «Азову» устроили депутатский смотр – высшую и самую строгую проверку в российском флоте. На палубу линейного корабля прибыл весь цвет тогдашнего адмиралитета: вице-адмирал Пустошкин – герой Очакова и Анапы, контр-адмирал Сорокин – боевой соратник знаменитого Ушакова, прошедший с ним все черноморские и средиземноморские бои, генерал-интендант Головнин, знаменитый российский мореплаватель, и прочие не менее в своем деле сведущие. Целый день продолжался вымотавший всех – и проверяющих и проверяемых – смотр, пока вице-адмирал Семен Пустошкин наконец не объявил:

– Капитан, команда, да и сам корабль хороши, а нововведения на «Азове» придуманные, отмечаю особо, и полагал бы полезным на всем флоте использовать!

И уж в довершение всего посмотреть новые пополнение своего флота приехал сам император Николай I. И ему «Азов» с «Иезекилем» тоже пришлись по душе.

Лишь к ноябрю высокие начальники оставили прибывшие корабли в покое и команды смогли свободно вздохнуть. И «Азов» и «Иезекиль» были определены в состав бригады 74-пушечных линейных кораблей под командой контр-адмирала Логина Гейдена. Впереди была очередная морская кампания.

В ходе нее предполагалось продемонстрировать средиземноморским державам Андреевский флаг.

– Чтобы, ежели кто забыл, то вспомнил, а ежели кто и не забыл, то чтобы помнил и далее! – решил молодой император и велел звать к себе знаменитого кругосветчика и открывателя Антарктиды Фаддея Беллинсгаузена.

Когда капитан-командор прибыл, то ему было велено готовить к средиземноморскому плаванию фрегаты «Константин» и «Елена».

Команды же укомплектовать офицерами и матросами гвардейского экипажа.

– Пусть проветрятся, а то у них от безделья одни революции на уме! – резюмировал Николай I.

Но вначале на фрегаты была возложена секретная и чрезвычайно важная миссия. Они должны были доставить английским банкирам 174 пуда (почти три тонны!) русского золота. Справившись с этой задачей, фрегаты вернулись в Кронштадт. Затем фрегат «Константин» был заменен на почти одноименный линейный корабль «Царь Константин», и отряд убыл в Средиземноморье. Плавание Беллинсгаузена ничем примечательным отмечено не было. Вдоволь поштормовав зимой в Средиземном море, суда посетили Сардинию и Тулон. Там Беллинсгаузен некоторое время ждал решения своей судьбы: ждать на месте возможного прибытия эскадры для оказания помощи грекам или следовать домой. В Петербурге мнения разделились. Адмирал Сенявин ратовал за то, чтобы суда оставить в Средиземном море, вице-адмирал Моллер – за то, чтобы вернуть.

– Команды судов за время непрерывного пребывания в море приобретут опыт ни с чем несравнимый, изучат театр, кроме этого наличие боевого отряда в столь важном для нас месте позволит действовать более смело в вопросах политических! – говорил Сенявин.

– Покупка продовольствия и неизбежные ремонтные работы будут стоить большой валюты! – аргументировал Моллер.

– Если мы хотим иметь боеспособный флот, то на плаваниях экономить нельзя, иначе это будет лишь груда дров! – возражал Сенявин.

Николай I внимательно выслушал обоих, сердечно поблагодарил за государственную заботу Сенявина, но принял сторону Моллера. В Тулон была отправлена бумага: идти в Кронштадт!

Сами моряки были, впрочем, этим плаванием вполне довольны.

– Хоть поразвеялись немного! – говорили они промеж себя. – Не все же время в «маркизовой луже» шляться! Дай Бог, чтобы за этим плаванием и иные были!

Глава вторая

Восстань, о, Греция, восстань!

В последних числах марта 1826 года император Николай I принимал в Зимнем дворце поздравления по случаю своего восшествия на престол от британского представителя герцога Веллингтона.

Событие это обратило на себя внимание всей Европы. Ведь на подобных встречах зачастую делаются важные политические заявления, объявляются целые поэтические программы. Что-то скажет теперь новый всероссийский самодержец? Насколько отныне будет угрожать европейскому спокойствию новое обострение русско-турецких отношений?

Наиважнейшим же в ту пору был для всех вопрос греческий, а потому европейские дворы пребывали в особом ожидании речи Николая I.

Вот уже несколько лет, как на Балканах шла ожесточенная борьба. Греки пытались, не считаясь с жертвами, сбросить с себя ярмо турецкого ига, воины султана карали за свободолюбие кроваво...

В Англии в ту пору царствовал король Георг IV – самый мерзкий из династии Ганноверов. Ни один из королей Англии за всю ее историю не был столь непопулярен в стране. Кутежи и сожительство с сомнительными особами, тайные браки и скандальные разводы, и самое разгульное пьянство. Увы, выбирать англичанам было особенно не из кого. Два младших брата Георга были во всем под стать старшему.

В 1811 году после помешательства короля Георга III его сын Георг был назначен регентом, а в 1820 после смерти отца взшел на престол. Современники отмечали, что королем Георг IV стал уже на исходе своих физических и психических сил, имея расшатанное пьянством здоровье и безнадежно загубленную репутацию. Первое, что сделал, надевши корону, Генрих IV, был развод с женой. После этого в Виндзоре последовали новые пьянки и скандальные похождения. В перерывах между ними король пытался заниматься политикой.

На российскую миссию Веллингтона Георг IV возлагал большие надежды:

– Начинать новую политику, едва усевшись на трон, глупо! Вначале царю Николаю следует изучить старую!

Британскому монарху вторил лорд Каннинг, расчетливый и верткий, глава внешнеполитического кабинета:

– Царю Николаю незачем раскачивать европейские весы, которые с таким трудом остановил его старший брат на Венском конгрессе!

С мнением Лондона относительно возможных сюрпризов из Петербурга соглашалась и Вена в лице своего канцлера. Взвесив все «за» и «против», Меттерних объявил:

– Войны со стороны России быть не может. Ведь у Николая вот-вот начнется очередная схватка с персами за Кавказ, зачем же искать себе еще одного врага!

Турки, однако, были настроены не столь благодушно. И министр двора Саид-эфенди твердил султану Махмуду неустанно:

– Новый русский царь всю свою жизнь был солдатом. Теперь, сев на трон, он захочет стать и героем. Война неизбежна, и эта война будет с нами!

* * *

Император Николай встречал победителя Наполеона при Ватерлоо радушно. После обмена приветствиями и общих разговоров Веллингтон повернул беседу в нужное ему русло.

– Я сочувствую вам, ваше величество, что свое правление вы начали с усмирения гвардейского мятежа, – начал он издаലെка. – Думается, сейчас самое главное для вас – установление порядка по всей империи!

– Порядок и законность – есть цель каждого монарха! – кивнул Николай, пока еще не понимая, куда клонит его гость.

– О, за Россию с таким государем, как вы, можно быть спокойным, – продолжал между тем, доверительно улыбаясь, Веллингтон. – Мое же правительство сейчас более всего волнуют распри турок с греками. Не кажется ли вам, что в данной ситуации

уместно было бы поручить разрешение этого щекотливого дела британским политикам?

Николай I сразу помрачнел. Предложение герцога было ударом по его самолюбию. Конечно, он еще новичок на троне, но кто дал право этому заносчивому британцу столь беспардонно отстранять его от европейских дел, где Россия традиционно играла роль ведущую!

– Я твердо решил вернуться к политике моей бабки Екатерины, – обратился император к Веллингтону ледяным голосом. – А она, как известно, мечтала с мечом в руках завоевать Константинополь! Я никогда не оставлю в беде наших единоверцев-греков и заставлю султана уважать как себя, так и подписанные моей державой договоры! Мой брат завещал мне крайне важные дела, и самое важное из них – восточное. А потому я непременно должен положить конец этому делу!

– Но ведь турки не отказываются признавать подписанные между вами трактаты? – возразил было «железный герцог».

– Но они их и не выполняют! – резонно заметил Николай. – Могу вам сказать откровенно, что если дело дойдет до чести моей короны, то не я сделаю первый шаг к отступлению!

Посланник британского короля подавленно молчал, а император все продолжал добивать его своими откровениями:

– Турция – как неизлечимо больной человек, и меня поэтому интересует сейчас не день его кончины, а то, как поступить с его наследством!

Веллингтон в замешательстве лишь развел руками:

– Ваше величество, вопрос о наследстве решался бы легко, будь в Турции два Константинополя: один – вам, другой – нам! К сожалению, Константинополь один. Что же касается Высокой Порты, то не забывайте, что она «умирает» уже несколько веков и до сих пор жива!

– Тогда ее следует побыстрее добить, дав свободу угнетенным христианам! – встал с кресла Николай, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Было совершенно очевидно, что британская миссия в Петербурге терпит полный крах. Веллингтону было предложено подписать Петербургский протокол о примирении греков и турок, суть которого заключалась в признании Греции автономным государством, но с уплатой ежегодной дани султану. Веллингтон запросил время

посоветоваться с Лондоном. Николай, понимая, что англичанам деваться некуда, не торопился:

– Дело важное, советуйтесь!

Как показало время, в этой партии император Николай переиграл герцога Веллингтона. Россия все больше и больше втягивала Англию в решение греческого вопроса, от которого последняя откешивалась, как только могла.

Следом за англичанами отправились «прощупать» Николая в балканском вопросе и австрийцы. Российский император, однако, ответил на все попытки эрцгерцога Фердинанда Эсте коснуться этой темы молчанием. Австрийцы тоже ушли ни с чем.

Говорят, английский король Георг IV, получив письмо Веллингтона, воскликнул в сердцах:

– Русский царь задирист и упрям, хлопот с ним будет много! Пусть Каннинг взвесит все «за» и «против» предлагаемого протокола. Сейчас нам главное – выждать время!

Австрийский канцлер Меттерних, узнав о ходе переговоров в Петербурге, был огорчен не менее короля английского:

– Русский император не может навести порядок среди собственных офицеров, а уже тшится решать судьбы Европы! Какая глупость и какое тщеславие! Он даже не понимает, что балканский вопрос будет решаться не в Петербурге или Лондоне, а в Вене!

Послу России в Вене графу Дмитрию Татищеву он кричал, брызгая слюной:

– Священный континентальный союз, на котором покоились тишина и благоденствие Европы, отныне перестал существовать! И все это по вине Петербурга!

Понять неистовство Меттерниха было можно. В активизации русской внешней политики австрийский канцлер зорко усмотрел смертельную опасность для Австрийской империи.

Балканский клубок наматывал на себя одну интригу за другой. Политический барометр указывал приближение бури.

* * *

Вот уже пять лет в ущельях Пелопоннеса и Аттики гремели выстрелы, потоками лилась невинная кровь. Еще весной 1821 года, когда по всей Греции зацвели оливковые сады, земля древней Эллады поднялась против турок. Отчаянно сражались греки с турками и на море. Флотилия отчаянных корсаров с островов Идра, Специя и Псара под началом Якова Томбазиса и Андрея Миаулиса дерзко подстерегла десантную флотилию Халил-бея, доставлявшую янычар в Грецию. Несмотря на малые силы и противный ветер, греки отважно вступили в бой, атаковали и наголову разгромили турок. Остатки неприятельского флота бежали, но, видимо, Бог в тот день был все же на стороне греков, и остатки флота поглотил внезапно налетевший шторм. Лишь несколько избитых судов добрались тогда до спасительной Александрии. А вскоре новая удача: дерзкой атакой брандера был взорван двухпалубный турецкий фрегат, опрометчиво зашедший в Патрасский залив пополнить запасы воды. Это был уже вызов. В ответ в Константинополе и других городах Турции начались погромы христиан. Греков, армян и славян вырезали тысячами. С особой жестокостью убивали православных священников. В Константинополе озверевшей толпой был растерзан Вселенский патриарх. Его обезглавленное тело спустя несколько дней обнаружили в море греческие рыбаки и отвезли в Одессу, где мученик за веру и был похоронен при огромном стечении народа.

Чтобы задушить восстание, султан бросил к побережью Греции свой линейный флот. Битва за Эгейское море только начиналась.

К концу первого года борьбы отважные инсургенты освободили от захватчиков почти всю страну. Впервые за много веков греки стали хозяевами своей земли.

В январе следующего 1822 года национальное собрание официально провозгласило независимость страны и приняло конституцию.

В Константинополе, однако, мириться с потерей столь обширного и богатого пашалыка не желали. Но собственных сил для подавления столь обширного мятежа султан Махмуд II тоже не имел. Янычары, бывшие на протяжении столетий надеждой и опорой Османов, ныне воевать не желали. Большинство из них давно обзавелись всевозможными лавками, удачно торговали и богатели, а потому умирать за величие Порты им никакого резона не было. Зачем

утруждать себя ненужными опасностями, когда можно ограбить собственных единоверцев, отбирая все, что приглянулось. Они бесчинствовали на базарах и улицах, горланили, требуя от султана своей любимой бараньей похлебки.

– Эти ненасытные еничери ныне больше страшны для меня, чем для врагов Блистательной Порты! – говорил Махмуд в узком кругу преданных вельмож, и в словах его была горькая правда.

Махмуд еще слишком хорошо помнил, как разъяренные янычары в один день сбросили с трона его дядю султана Селима. То же самое они могли в любой момент проделать и с ним самим.

– Положение мое хуже самого ужасного! – печалился султан Махмуд. – У меня нет войска, чтобы удержать в повиновении восставшие пашалыки! У моих ног вся Вселенная, но я бессильный заложник в руках обстоятельств!

И тогда Махмуд обратился за помощью к своему могущественному вассалу – египетскому паше Мухамеду-Али, властителю умному и беспощадному. В награду за покорение Греции обещаны были ему Сирия и Крит. Мухамед уже давно (и это не было ни для кого секретом) мечтал отложиться от Высокой Порты и стать египетским падишахом. Унижаясь перед своим всемогущим вассалом, Махмуд понимал, что отныне тот будет говорить с ним уже на равных. Это таило неисчислимые беды в будущем. Но иного выхода у султана все равно не было...

Тем временем по всему Эгейскому морю гремели бои. Возглавивший объединенный корсарский флот Андрей Миаулис¹ разбил эскадру капудан-паши Хозрева на рейде острова Псара, прогнал турок от острова Самос и пожег египетские суда у Самоса и Кандии.

Султан был разъярен. Он сослал в ссылку неудачника Хозрева и призвал к себе более удачливого тунисского разбойника Кары-Али.

– Жалую тебя капудан-пашой, шубой и гаремом! – объявил султан. – Но наведи порядок в эгейских водах!

– Я исполню твое повеление, о, великий из великих! – обещал новый капудан-паша. – Клянусь тебе, сосредоточие силы и мудрости, что я вычищу море или погибну за твою славу!

– Я верю, что ты сдержишь свое слово! – кивнул султан белоснежным тюрбаном. – Ступай, и да пребудет с тобой милость Аллаха!

В наверхье султанского тюрбана хищно сверкнул огромный солитер.

– Пленных не брать, резать головы всем! – велел Кары-Али своим капитанам, посылая их на поиски корсаров.

Но последние были неуловимы. При этом корсары не столько скрывались от турецкого линейного флота, сколько нападали на него!

Бессмертный подвиг совершил уроженец острова Псары Константин Канарис². Храбрец темной ночью подкрался на брандере к стоящему на якоре в Хиосском проливе 84-пушечному флагману капудан-паши и подпалил его. Турки пытались потушить свой линкор, да куда там! От взрыва корабль взлетел на воздух, а вместе с ним и более двух тысяч турок, включая самого Кары-Али. Данное султану слово капудан-паша сдержал...

На сухопутье дела, однако, складывались совсем иначе. Жарким летом 1824 года египетские дивизии старшего сына Мухамеда Ибрагима сошли с кораблей на греческую землю. Первым пал порт и крепость Наварин, ставший отныне опорной базой египетской армии.

Миаулис с Канарисом сожгли у Модона брандерами два десятка египетских транспортов, но удержать Наварин так и не смогли и вынуждены были отойти к Патрасскому заливу, где и вели тяжелые морские бои.

А двадцатитысячная египетская армия уже готовилась к карательному маршу по греческой земле. Арабам было объявлено: «Все, что возьмете, – все ваше!»

– Тогда мы возьмем все! – ответили те.

При этом все бумаги «египтяне» писали только на французском. Полки и дивизии каирского правителя вели ветераны Ваграма и Аустерлица. Уставшие от долгого безделья и безденежья, они предложившие себя каирскому паше в качестве инструкторов. Все пушки и артиллерийские парки тоже были из арсеналов Тулона.

Разрозненным отрядам повстанцев устоять против такой мощи было невозможно. Терпя одно поражение за другим, они откатывались все дальше и дальше в глубь страны. Следом за ними по пятам шла мамелюкская конница, неутомимая и беспощадная.

Очевидец так описывает увиденное им в ту пору: «Ибрагим-паша... прошел по Морее, предав ее огню, проливая потоки крови. Он

жег и разрушал города и села. Вырезал обитателей, превращал женщин и детей в рабов...»

Пытаясь найти заступничество у англичан, греки отправили в Лондон своих посланцев. Принимал их в своей резиденции лорд Каннинг – глава иностранного ведомства. Когда-то лорд баловался стихами и любил при случае обратиться к образам героев древней Эллады. Теперь же, выслушав послов Луриотиса и Орландоса, Каннинг лишь заметил им желчно:

- Ссориться из-за вас с Константинополем я не буду!
- Но что же нам тогда делать? – был к нему вопрос отчаяния.
- Кайтесь перед султаном! – отвечал им любитель героических од.
- Мы лучше умрем, но на колени не встанем! – заявили просители, уходя.

Миссия в Лондон завершилась ничем. А положение греков меж тем ухудшалось с каждым днем. Из своей государственной казны они уже выгребли последние крохи – шестьдесят пиастров. На них купили несколько мешков пороха, а саму казну прикрыли за ненадобностью. Турки продолжали наступать вовсю. Город за городом, область за областью предавали они огню, загоня инсургентов все дальше в горы. Положение усугублялось враждой землевладельческого и судовладельческого кланов, соперничеством «полевых капитанов» и разворовыванием средств. Вскоре пал один из главных оплотов инсургентов – остров Псара, затем крепости Триполица и Каламата.

В апреле 1826 года после одиннадцатимесячной героической защиты пала крепость Миссолунги. Население ее вырезали полностью... Совсем недавно стало известно, что среди героических защитников Миссолунги были и русские добровольцы. Все они пали в той неравной борьбе. Увы, но мы почти ничего не знаем о них. Дошли только их имена – Иван, Василий и еще один Иван. Кто они были, эти неизвестные борцы за освобождение братской Греции? Этого мы, наверное, уже никогда не узнаем. Да и так ли это уже важно сейчас? Важнее иное – русский народ был рядом со своими греческими братьями в этой очистительной битве. Миссолунги пали, но величие их подвига осознала вся Греция, и пламя народной войны вспыхнуло еще ярче. Усилили натиск и египетские каратели. Вскоре ими были взяты и Афины. Горстка повстанцев укрылась на вершине Акрополя и отбивалась там почти год!

Вернувшись после покорения Афин в Морею, Ибрагим-паша утвердился на полуострове, заняв все города и селения. К концу 1826 года греки продолжали сопротивление только в нескольких горных районах на юге и востоке Мореи, где держались остатки регулярной греческой армии, да на островах Киклад. В горах было много мелких отрядов повстанцев-клефтов. Вождь клефтов, суровый и длинноусый Федор Колокотрони, в красной скуфейке набекрень, ободрял воинов:

– Мы еще возвратим дни былых побед, и наши длинные ружья будут, как и прежде, греметь в ущельях Пелопоннеса!

Повстанцы-клефты сражались отчаянно, но они были бессильны против огромной вымуштрованной армии Ибрагим-паши. Греческое правительство перебралось на маленький остров Эгина, а самые непримиримые укрепились на острове Гидра, куда египтяне даже и не помышляли сунуться.

Именно тогда греческий народ обратил свои мольбы к великой и единой России. Но официальный Петербург оказался глух к этим мольбам. Император Александр I, создав своими руками Священный союз монархов, никак не мог поддержать свергших «законную» власть султана. Петербург объявил дружественный нейтралитет... Остальные столицы не удостоили Грецию и этим.

Дальше, однако, произошло то, о чем никто не мог даже предположить! Пусть зверства пресытившихся от крови карателей оставляли равнодушными монархов и министров, но они не оставили равнодушными людей честных! Движение в пользу Греции, получившее название филэллинского, было стихийным и всеобщим. Повсюду собирались деньги в пользу повстанцев, закупалось оружие, отправлялись добровольцы.

В Париже местный прогреческий комитет для удобства сбора средств поделил город на участки, а дамы высшего света обходили дома, собирая ценности и деньги. В палате депутатов кипели настоящие страсти. Там яростный Бенжамен Констан требовал смертной казни соотечественникам, служившим под знаменами Ибрагима. Констан горячо поддержали Шатобриан, Ларошфуко и Лафайет.

Среди германских государств первенствовала в греческих симпатиях Бавария. Баварский король Людовик I во всеуслышание

объявил, что он сам является первым филэллином своей страны. Прижимистые немцы на этот раз гульденами не скупилась.

– Кто бы мог подумать, что в баварском короле столько благородства! – восхищалась Людовиком европейская общественность. – Какое бескорыстие! Какое величие души!

Сам Людовик I тем временем таскал за уши младшего сына Оттона:

– Ты сегодня опять не учил греческую грамматику! За это останешься без сладкого и завтра будешь заниматься вдвое больше!

– Но почему, мой фатер! – плакал тот, горящие уши от отцовской длани прикрывая. – Неужели для того, чтобы править добрыми баварцами, мне не хватит немецкой грамматики?

– Ты должен быть готов к большому повороту в судьбе! – поучал его мудрый папа Людовик. – Не сегодня завтра греки станут свободными, и тогда им, конечно же, понадобится король, а где им его взять? Тогда-то вспомнят и о нас, ведь мы первейшие филэллины в Европе! А потому ты должен быть готовым, чтобы стать Оттоном I Греческим!

– О, я буду строгим королем, мой фатер, и наведу у этих греков настоящий немецкий порядок! – закивал молодой Оттон, отправляясь учить несносную кириллицу.

Пройдут годы, и хитрый Людовик Баварский претворит в жизнь сокровенную мечту, навязав грекам своего отпрыска. Но пока до этого еще далеко...

В моду тем временем возвращались греческие мотивы, как в дамском платье, так и в искусстве. Модницы разом облачились в свободные хитоны, в театрах на «ура» шли пьесы о древних героях, а с живописуемых картин смотрели на ценителей широкогрудые Гераклы и изящные Афродиты. Великий Шатобриан посвящал грекам свои книги. В салонах опять зазвучал всеми забытый Гомер. Все желали Греции добра, и все искренне верили в чудо, в ее освобождение. Но от пожеланий и слов до конкретных дел путь бывает порой весьма неблизок.

... Еще весной в пропахшем треской и пивом лондонской трактире «Корона и якорь» образовался британский греческий комитет. В него вошли лучшие и честнейшие.

– Мы всегда будем восхищаться величием нации, пробудившейся к свету! – провозгласил глава собрания герцог Глостер.

– Много сочувствия, но мало результатов! – мрачно констатировал Дэвид Рикардо.

Присутствовавший поэт Байрон молчал, сосредоточенно щелкая курками только что купленных пистолетов.

Из воспоминаний знакомой поэта Маргерит Блессингтон: «Байрон уверен – из Греции ему не вернуться. Ему много раз снилось, как там подстерегает его смерть, и предчувствие, что так и произойдет, не покидает его.

– Зачем же вы едете? – спросила я.

– Как раз затем, чтобы отдаться велениям неотвратимой судьбы и обрести вечный покой в земле, священной для меня по юношеским воспоминаниям, и тем мечтам о счастье, которые не сбылись. Пусть так! Простая могила в Греции, простой надгробный камень мне желанней, чем мраморная плита в Вестминстерском аббатстве; честь, в которой мне, вероятно, не отказали бы, случись мне окончить свои дни в Англии. Мои соотечественники – о, эти благородные души! – сделали все, чтобы воспрепятствовать мне жить в стране отцов, однако они не стали бы возражать против того, чтобы мой прах покоился там, где лежат останки наших поэтов».

Через несколько месяцев он встретит смерть среди отважных защитников Миссолунги...

Иногда в Лондоне раздавались голоса в защиту Греции и с трибун высоких. Глава палаты общин Хатчинсон не раз заявлял во всеуслышание:

– Правительство делает все возможное для истребления несчастных греков. Такое поведение вызывает презрение у живущих ныне и будет проклято потомками!

Но аплодировали храброму Хотчинсону, в общем-то, жидко. Возмутителю спокойствия на британском олимпе апеллировал лорд Каннинг.

– Я не желаю обращать внимания на эти сопли! – ухмыляясь, заявлял он. – В политике существует только выгода, а остальное – лишь демагогия для простаков!

Официальный Лондон отрещивался от греков до тех пор, пока там не прознали, что взоры инсургентов обратились к России. Теперь в

Уайт-холле заволновались не на шутку.

– Пока мы взвешиваем все «за» и «против», русские уже готовятся к новому броску на юг. Их флот готовится войти в Средиземное море, а казаки клялись доскакать до Ганга!

Образ бородатых казаков во все времена внушал ужас британскому обывателю. Русский фактор неумолимо вторгался в греческую проблему, и чем дальше, тем больше... В те дни всеобщего британского смятения австрийский посланник Эстерхази шифрованно депешировал в Вену: «Публика здесь... не желает, чтобы свобода Греции была достигнута за счет русского преобладания на Средиземном море».

Джордж Каннинг подумал и объявил о признании греков воюющей стороной.

– Почему вы идете на уступки? – накинулись на него тори.

– Никаких уступок, джентльмены! – заверил их министр иностранных дел. – Этой ничего не значащей бумагой мы оставляем за собой место покровителя Греции, которое нам пригодится при любом дальнейшем раскладе сил, кроме этого действия греческих корсаров стали наносить вред нашей торговле. Отныне они не только не будут грабить наши суда, а наоборот, станут их защищать! В остальном же наша политика по Греции останется пока прежней!

– А наш Джордж вовсе неглуп! – обменивались мнениями представители тори, покидая министра. – И оппозиции кусок сунул, и нас не огорчил!

Ну а что же Россия неофициальная, как она отнеслась к боли и трагедии братского народа? Наверное, нигде к страданиям греков не отнеслись так понимающе, как у нас. Да и как могло быть иначе! Ведь исстари Россию с Грецией связывала не симпатия, а любовь, не интриги, а взаимопомощь. И азбука была у нас одна – кириллица, и вера единая – греческая православная! Издавна, спасаясь от преследования, бежали на Русь к единоверцам греки, и каждому находился там кров и стол. Не раз приходил к греческим берегам и российский флот, чтобы огнем своих пушек облегчить жизнь единоверцам. Такое не забывается!

Помимо всего прочего Грецию с Россией связывали и самые тесные торговые узы. Закрытие с началом восстания турками проливов для русских и греческих судов сразу же сказалось на экономике

южных губерний. Некуда стало вывозить хлеб, шерсть и кожи. Это вызвало ропот одних и открытое возмущение других:

– Виданное ли дело – притеснительства от басурманов терпеть неслыханные! Не это ли есть позор флагу и чести российской! Неужто перевелись у нас Суворовы и Кутузовы, чтобы навести должный порядок в Царьграде!

Современники тех дней пишут, что в кабаках в ту пору зашедших греков запаивали вусмерть, денег притом не требуя.

– Пейте, сердешные! – слезились кабатчики, щеку ладонью подпирая. – И так сколько вы от поганцев басурманских понатерпелися!

Прогречески была настроена не только вся православная церковь, но и весь российский генералитет. Все чаще и чаще теперь раскатывались в тиши штабных кабинетов балканские карты.

– Здесь обычным войскам делать нечего! – делились мнением меж собой генералы да полковники. – Нужны полки горные, наподобие кавказских!

– Как же идти-то в эту Грецию? – вопрошали те, кто был поосторожней.

– Походом через княжества дунайские или десантом флотским через проливы черноморские напролом! – отвечали те, кто был решительнее.

Командующим освободительной армией видели одного человека – героя двенадцатого года знаменитого Ермолова. Будущий декабрист Кондратий Рылеев писал о нем:

Наперстник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

В те дни и великий Пушкин, мечтая умереть за свободу Греции, писал строки не менее вдохновенные:

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,

Недаром потрясала брань Олимп,
И Пинд, и Фермопилы...

* * *

Заявление императора Николая I о скором его вмешательстве в балканские дела вызвало незамедлительную реакцию по всей Европе, и особенно на британских островах. Там взволновались не на шутку! Ведь Россия в лице своего императора уведомила всех о новом самостоятельном политическом курсе, и трудно теперь было точно сказать, куда повернет ее «политический корабль».

В Лондоне совещались лихорадочно, надо было что-то срочно предпринимать, но что конкретно, не знал никто.

Первым изложил свой подход к «русской проблеме в балканских делах» министр иностранных дел граф Гровенор:

– Россия настроена решительно и будет добиваться независимости Греции. Оставшись в стороне, мы сами отдаем Петербургу судьбы всего Средиземноморья!

Министра поддержали лорды Эрскин (из вигов) и Абердин (из тори):

– Если поторопимся, то еще успеем выхватить Грецию из русских зубов!

– Что же делать? – вопрошали члены палаты лордов в тягостных раздумьях.

– Выход один! – объявил им восшедший на трибуну лорд Каннинг. – Надо подать России руку и быть рядом с ней в греческих делах. Конечно, это смена политики, но это сегодня единственно реальная политика!

Единодушие британских политиков было полным. Единственно, что немного смущало, так это давняя любовь к своему турецкому «другу». Ведь Стамбул издавна был не только бездонным рынком британских товаров, но и верным стражем черноморских проливов, и все же выбор был сделан!

4 апреля 1826 года российский канцлер Карл Нессельроде подписал в Петербурге с герцогом Веллингтоном тайную декларацию

по греческим делам. В ней обе стороны заявляли, что позволяют друг другу вмешиваться в балканские дела и готовы предостеречь султана от дальнейшего пролития крови. В конце декларации граф с герцогом оставили свободное место на тот случай, если Франция решит примкнуть к союзу «двух» и ее пожелания тоже будут внесены в протокол.

Подмахнув пером бумагу и скрепив ее королевской печатью, Веллингтон, повздохав, внезапно заявил:

– Я надеюсь, граф, что ни о каком военном вмешательстве здесь вопрос не стоит, только чистая дипломатия!

Нессельроде согласно закивал:

– Разумеется, но дипломатия во имя пресечения кровопролития!

Когда же довольный собой герцог обменивался с канцлером прощальным рукопожатием, Нессельроде угостил его заранее подготовленным монологом:

– Мы будем неукоснительно следовать подписанным протоколам лишь касаясь Греции. Что же до наших личных претензий к Турции, то здесь Россия будет поступать независимо от британской позиции!

Почти одновременно российское правительство потребовало от Стамбула обсуждения спорных вопросов, прежде всего, относительно возобновления русского торгового судоходства в проливах, фактически прерванного с началом восстания.

Столицу Российской империи «железный герцог» покидал в настроении самом сумрачном...

– Веллингтон потерпел свое Ватерлоо! – говорили в те дни остряки и были недалеки от истины.

Россия круто меняла свой внешний политический курс. И этот новый курс был направлен на освобождение Греции.

* * *

Весна 1826 года пришла в столицу Высокой Порты рано. Уже давно отцвел душистый миндаль, а воды Босфора были на редкость теплы и спокойны. Над крышами домов кружили стремительные ласточки, а на базарах было не протолкнуться от снующего туда-сюда люда.

За крепкими запорами «Порога Счастья» (именно так возвышенно именовался дворец султана) вот уже несколько дней Махмуд II совещался с ближайшими вельможами.

– Положение дел в Греции, положение в Европе и рост могущества Мухамеда-Али египетского заставляют нас думать об усилении военной мощи! – говорил Махмуд, нервно перебирая сапфировые четки. – Нам нужно сильное войско, организованное по образцу франков! Иного пути просто нет! Только так мы сможем вернуть утраченное могущество! Забранные от сохи крестьяне не могут на равных драться с опытными солдатами гяуров! Они могут лишь храбро умирать, но, увы, не побеждать!

Мысль о создании регулярной армии европейского типа не первому пришла в голову султану Махмуду. Об этом в свое время мечтал еще его дядя султан Селим III, начавший создавать войско нового вида «низам-джедид». Но тогда с султаном быстро расправились взбунтовавшие янычары, усмотревшие в новых преобразованиях опасность для своих вековых привилегий. Поводом к янычарскому мятежу стал страшный голод, вызванный блокадой Константинополя эскадрой вице-адмирала Сенявина в 1807 году.

– Но еничери! Что скажут еничери?! – был невольный вскрик вельмож. – Ведь они снова взбунтуются и посадят на престол того, кого захотят!

– Я не намерен, как баран, ждать, пока меня поведут на заклание! – передернул плечами Махмуд. – Мы их перебьем до того, как они поднимутся на нас!

– Но хватит ли у нас сил? – заволновался владыка Адрианополя Эссет-Мегмет-паша.

– Хватит! – качнул белоснежным тюрбаном Махмуд. – Я уже все продумал! Настало время покончить с проклятыми еничери раз и навсегда!

14 июня 1826 года янычарский ага-паша Гуссейн объявил своим подопечным, что скоро в столицу приедут египетские советники и станут учить янычар маршировать на пример гяуров.

– Не бывать тому! – зароптали собравшиеся на площади янычары. – Мы еничери, а не какие то там презренные франки!

– В таком случае султан лишает вас баранины и оставляет лишь похлебку!

– Нам пустую похлебку! – загалдели янычары. – Султан хочет лишить нас древней привилегии, дарованной еще Сулейманом Великим! Гордыня помутила разум падишаха! Пришло время выносить на площадь котлы!

Вынос котлов – дело нешуточное! Вынос котлов – это начало мятежа! Узнав о намерении янычар, Махмуд послал крикунов, которые принялись кричать на площадях о милостях султана, если янычары разойдутся. Крикунов прогнали с позором. И началось! Толпы разъяренных янычар бросились к казармам выносить котлы, в которых они варили баранину. Одновременно началось избиение всех, кто попадался на пути, потом начался грабеж домов. Тех, кто пытался оказать сопротивление, тут же рубили ятаганами. Люди разбегались в ужасе:

– Еничери несут свои котлы! О горе нам, несчастным! Спасайтесь, кто может!

И вот огромные медные котлы вынесены на площадь Эйтмандана и перевернуты кверху дном у каменных ворот с вывеской: «Здесь султан кормит своих янычар». Полуголые и потные котловары-яшчи тут же начали лупить в звонкие днища деревянными колотушками. Тут же, невесть откуда, появились дервиши-бекташи и сразу же начали свой страшный танец. Орден бекташей издавна покровительствовал свирепым янычарам. Впадая в экстаз, «пляшущие дервиши» вертелись волчками все быстрее и быстрее, истошно выкрикивая воинственные суры. Затем, все еще продолжая крутиться, бекташи начали рвать халаты и разбрасывать вокруг себя лоскутья. Янычары с благоговением хватили их и повязывали себе на голову. Теперь им был не страшен даже сам султан, ибо дервиши освятили их бунт!

Из записок французского посла: «Янычары срывали с себя мундиры и топтали их своими ногами, остальная же часть их одежд была уже изодрана в клочья, чтобы все видели их ярость. Разрушив дворец Порты, они разграбили его, расхитив все, что имело хоть малую цену, янычары истребили даже архивы, в которых искали уставы новых порядков...»

А мятеж все разрастался. По призыву бекташей к янычарам примкнули носильщики тяжестей – здоровенные мужлань, убивающие ударом кулака быка. За носильщиками прибежали пожарные. Эти начали с того, что подпалили несколько кварталов и

принялись таскать себе из пожара все ценное. Беспорядки охватили теперь уже всю столицу.

Султан Махмуд немедленно покинул «Порог Счастья» и укрылся в мечети султана Ахмета. Разъяренных янычар мечеть бы тоже не остановила, но она позволяла выиграть некоторое время. А время в данной ситуации определяло все. С султаном были великий визирь, главный духовник – шейх-уль-ислам, начальник артиллерии – топчубаши Карижегеном-Ибрагим и насмерть перепуганный янычарский ага-паша Гуссейн. В качестве охраны – египетские офицеры, которым султан сейчас доверял куда больше, чем своим.

– Настал решающий час, от которого зависит уже не моя жизнь и даже не судьба династии, но судьба всей Блистательной Порты! – вздохнул Махмуд, выслушав очередного лазутчика о творимых янычарами безобразиях. – Выносите на улицу Санджак-шериф!

– Только не это! Помилосердствуй, о великий падишах! – закричал, заламывая руки, шейх-уль-ислам и пал ниц перед султаном.

Махмуд не глядя перешагнул через него:

– Седлайте моего скакуна, я выеду на улицы вместе с Санджак-шерифом!

Вынос Санджака-шерифа был событием из ряда вон выходящим. Предание гласило, что священное зеленое знамя ислама сшито из халата самого пророка Мухамеда. Последний раз Санджак-шериф выносили на улицу два поколения назад. По древнему закону каждый мусульманин должен беспрекословно повиноваться повелениям, сказанным под Санджак-шерифом. И вот теперь султан Махмуд решился снова явить его правоверным.

Расчет Махмуда был верен. За долгие века обыватели натерпелись от янычар столько, что ненавидели их, как только может ненавидеть человек своего самого лютого врага. Ныне Махмуд спровоцировал янычар на новый мятеж, от которого опять пострадал простой люд. Теперь, вынося из хранилища Санджак-шериф, султан мог призвать народ к полному истреблению ненавистных янычар.

Священное знамя под чтение Корана торжественно внесли в мечеть Султана Ахмета. Толпы людей сбежались, чтобы коснуться складок халата самого пророка. Тысячи верующих в исступлении ползли на коленях к священному стягу. А с кафедры сам султан во весь

голос проклинал проклятых отступников янычар и призывал расправиться с ними, не зная пощады.

– Убивайте еничери, иначе они убьют вас! – срывая голоса, кричали снующие в толпе крикуны.

Первыми откликнулись на этот призыв матросы капудан-паши, отчаянные головорезы-галионджи. У этих с янычарами имелись свои старые счеты. Прибежали садовники-бостанжи, которых в цветущем Константинополе было видимо-невидимо. Топчу-баши Каражегенем-Ибрагим призвал своих пушкарей, а те прикатили пушки.

– Заряжайте картечью! И торопитесь! Слышите, еничери уже идут сюда! – волновался султан.

Вдалеке слышался звон литавр и бой барабанов. То еничери шли свергать старого султана, чтобы посадить нового, того, кто бы соблюдал их старые обычаи и кормил жирной бараниной.

– Картечи нет, и ядер тоже! – вздохнул топчу-баши. – Все давно разворовано!

– Что же делать? – в ужасе натянул поводья скакуна Махмуд II. – Они порвут нас на куски!

– Мы зарядим пушки ржавыми гвоздями! – ответил сообразительный начальник артиллерии. – И еничери проклянут день, когда родились на этот свет!

Подтащив пушки к площади Эйтмандана, топчу-баши самолично подпалил их фитили. Залп отдался громким эхом от стен близстоящих домов. На площади поднялся истошный вой. Это значило, что ни один гвоздь не пропал даром. Янычары кинулись было бежать, но пушечные залпы настигали их, и спасения не было никому. Эйтмандан был завален трупами.

– Теперь надо вырезать всех, кто успел разбежаться! – велел султан.

И началось! От тихих Сладких Вод до шумной Галаты спасения не было никому. Янычар убивали тысячами. Вместе с ними лишали жизни пожарных и носильщиков тяжестей, пинками разгоняли пляшущих дервишей-бекташей. Улицы Константинополя были залиты кровью, и бродячие псы отъедались свежей человечиной. Янычар убивали везде: в домах и на улицах, в банях и даже в мечетях. Они пытались спрятаться в подвалах, в огородах и в колодцах. Но их

отыскивали, а отыскав, убивали на месте. Заодно с янычарами вырезали их жен и детей.

– Выкорчем проклятое семя с корнем! – кричали городские мясники, ловко орудуя своими страшными ножами.

Из воспоминаний очевидца: «Несколько дней на арбах и телегах вывозили мертвые тела янычар, которые были брошены в воду Босфора. Они плавали по волнам Мраморного моря, а поверхность вод так была покрыта ими, что трупы даже препятствовали плаванию кораблей...»

– Слава великому падишаху и потрясателю Вселенной Махмуду – прекрасному убийце проклятых янычар, да продлит Аллах его счастливые годы на земле! – кричали толпы людей, пиная ногами изувеченные трупы своих недавних врагов.

Через два дня с янычарами в столице было покончено навсегда. Затем их начали резать в других городах Блистательной Порты, но убили далеко не всех. Несмотря на все усилия, несколько янычарских гарнизонов все же уцелели. Эти гарнизоны располагались на границе с Россией, а потому желающих служить там просто не было. Дунайские янычары чудом остались в живых. Пройдет совсем немного времени, и Махмуд II об этом еще сильно пожалеет...

По странному совпадению выступление янычар произошло по времени почти одновременно с мятежом русской гвардии в Петербурге, вошедшей в историю как восстание декабристов. Схожего в обоих случаях очень много. Даже разгоняли мятежников одинаково – пушками. Разумеется, причины обоих мятежей были совершенно разными. Однако совпадение по времени и характеру восстания достаточно знаковое.

Едва с янычарами было покончено, султан Махмуд сразу же приступил к созданию новой регулярной армии. Египетские инструкторы, которые сами толком ничего не умели, его уже не устраивали. И султан обратился к прусскому королю Фридриху Вильгельму III.

– О да! – обрадовался Фридрих Вильгельм в предвкушении турецкого золота. – Мы научим вас настоящей выправке и вымуштруем ваших феллахов так, что они будут маршировать не хуже потстдамских гренадер!

Среди инструкторов, посланных в Турцию, был и молодой, но уже весьма амбициозный капитан Гельмут фон Мольтке. Его кровавая слава еще далеко впереди...

Турция несколько отстала в развитии от остальной Европы, и теперь всеми силами стремилась ее догнать. Прусским инструкторам султан велел подготовить новую армию «низам-джедид» за два года.

– Через две весны я верну себе Грецию, усмирю Сербию и наведу порядок в Египте. Мое имя будет столь же грозным, как имя Сулеймана Великолепного!

Еще ничего не было решено. Все еще только начиналось.

* * *

Высказывая свои претензии Константинополю, Россия не шутила, но султан Махмуд II этого так не понял. Раздосадованный тем, что многие из возмутителей греческого восстания были в свое время возвращены в Петербурге, султан в припадке бешенства, ни с того ни с сего, порвал в клочья присланную из Петербурга бумагу.

– О, коварные гяуры москов! – кричал он, стуча кулаками в шелковые подушки. – Я знаю, что разбойник Ипсиланти был русским генералом, а негодяй Каподистрия ведал в России всеми делами европейскими!

Отныне по капризу Махмуда Босфор и Дарданеллы закрывались полностью. Если раньше удавалось провозить через проливы хоть часть товаров, то теперь и с этим было покончено. В Петербурге встревожились не на шутку. Турки уже начали конфисковывать товары. Склады Одессы и Херсона, Николаева и Таганрога были доверху забиты зерном и шерстью.

– Куды девать все, когда продать некуда! – хватались за голову купцы и тут же наставляли приказчиков: – Больше не брать!

– А нам что теперь делать прикажете! – кричали помещики, показывая на нескончаемые вереницы телег с зерном. – Жечь все это добро, что ли?

– А хоть и жгите! Все одно пропадет! Вывоза-то нету, и не будет!

– Это отчего же? – срывались на плач хозяева полей и усадеб.

– Да оттого, что турка окаянный ворота босфорские закрыл накрепко!

– Где же наши Суворовы да Кутузовы, чтобы ворота те открыть, а турку наказать примерно! – раздавалось повсюду.

Все несли миллионные убытки. Возмущены были судовладельцы и помещики. Нечем было платить и работному люду. Зароптали крестьяне в деревнях и ремесленники на фабриках. В одно мгновение империя лишилась вывоза большей части хлеба – главной статьи экспорта. Теперь речь шла уже о безопасности самой России. Полицейское начальство доносило в тревоге:

– Брожение умов скоро достигнет точки кипения, и тогда все выплеснется разом!

– Неужели возможен бунт? – таращили глаза интеллигенты.

– Еще какой! – просвещали их. – Не просто бунт, а наш русский, самый беспощадный!

– Нешто новая пугачевщина? – крестились помещики и интеллигенты. – Свят, свят, свят!

Надо было что-то срочно предпринимать... Но что?!

– Нам ли, победителям Наполеона, разгромившим нашествие двенадцати народов, терпеть капризы гололобых! – в открытую кричали на улицах городов и деревень. – Не хотят добром ворота открывать, так мы сорвем запоры царградские сами, чай, не впервой!

Герцог Веллингтон еще не добрался до родных британских берегов, а российская политика уже совершила крутой поворот. Русский посол в Константинополе Минчиаки (тоже из греков!) предъявил султану ноту, составленную в выражениях угрожающих. Россия требовала немедленного восстановления договора о проливах, освобождения из застенков сербских депутатов и отвода турецких войск от русских границ.

Турки бумагу приняли и затаились, словно ничего и не было. Тогда настырный Минчиаки явился в диван вторично, и там громогласно объявил:

– Российский император дает вашему султану еще шесть недель для раздумий. После чего я покидаю Стамбул. А что ожидает вашу страну, скоро узнаете!

К пограничному Пруту уже потянулись русские полки: с песнями и барабанным боем пехота, на рысях казацьи сотни. Колотились по

дорожным колдобинам пушки и фуры. То двинулась с места Вторая Южная армия империи. У Босфора забелели паруса Черноморского флота. Россия серчала, и серчала сильно!

И тогда испугался не на шутку и султан.

– О я, несчастный! – горестно вздыхал он, будучи о скорой войне извещенным. – И все из-за этой проклятой Аллахом Греции! Что же мне теперь делать?

А делать, к слову сказать, ему было и вправду нечего. К большой войне Высокая Порта была совершенно не готова. Виной же тому был сам Махмуд II. Немногим более года назад он, устав от своеволия и непомерных требований янычарского корпуса, решил навсегда от него избавиться. Спровоцировав янычар на бунт, Махмуд затем подавил его с ужасающей жестокостью. очевидцы вспоминали, что трупы в те дни валялись на стамбульских улицах внавалку, а добывать раненых поручали уличным мальчишкам (у палачей просто не было сил этим заниматься). Так навсегда исчезли с исторической сцены свирепые янычары, те, что на протяжении многих веков внушали ужас и трепет всей Европе.

Рубя головы строптивцам, султан Махмуд мечтал о создании настоящей европейской армии с полками и дивизиями, с дисциплиной и выправкой. Но реальность оказалась сложнее. Набранные в новоустроенные полки землепашцы и скотоводы никак не желали маршировать и при каждом удобном случае разбегались. Создать армию пока никак не получалось... Даже греческую смуту султану пришлось давить руками египетского паши, что ж тогда говорить о возможной войне с Россией!

И Махмуд II пошел на попятную. Уже через день турки торопливо начали очищать Молдавию и Валахию. А когда на левом берегу Прута встало восьмидесятитысячное русское воинство, готовое к стремительному броску на Константинополь, то в Анкерман прикатили турецкие дипломаты. Переговоры с ними вел генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов. Без лишних слов турки подписали все требуемые бумаги и заверили графа в своей вечной и безмерной любви. Провожали послов под грохот орудийных залпов, чем окончательно повергли последних в смятение.

В Петербурге ликовали! Несмотря на весь воинский пыл, там желали мира не меньше турок. Причины тому были веские: еще не

улеглись отголоски декабристского восстания, беспокойно было и в Польше, плохо обстояло дело с финансами, да и позиции ведущих держав внушали известные опасения.

Аккерманский договор произвел на Европу впечатление неприятное. Ведь Россия отныне развязала себе руки. Настораживало всех и то, что о греческих делах в Аккермане не было произнесено ни слова. Первым почуял неладное британский министр иностранных дел лорд Каннинг.

– В Аккермане русские продиктовали свою волю загнанному в угол Махмуду, – резюмировал Каннинг. – О Греции ж они промолчали, так как не пожелали пока ограничивать себя в этом деле какими-либо обязательствами. Но какими? Откуда царь Николай теперь нанесет нам удар, и когда?

В тот же день британскому послу в Петербурге полетела соответствующая шифровка. За англичанами зашевелились и другие.

Канцлер Священной Римской империи Меттерних был раздосадован не менее.

– Образ действий царя Николая в этом дипломатическом походе поразил меня в самое сердце! – высказал он своему министру иностранных дел фон Генцу. – Ничего не помню более вероломного со времен Наполеона!

– О, ваше сиятельство, я разделяю ваше возмущение! – энергично кивал головой белобрысый Генц. – Я не могу передать словами свою ненависть к русским. Они оторвали нас от союзной Англии!

Многоопытный Меттерних, заложив за спину руки, подошел к окну. Внизу за дубовыми ставнями нес воды мутный Дунай.

– Не это главное сейчас, – покачал он седой головой. – Естественный ход событий все равно вернет Лондон в наши объятия. Нам же следует попытаться вырвать из этого чудовищного альянса хотя бы Париж!

Глава третья

Повстанцы и каратели

А Петербург готовил соседям все новые и новые сюрпризы. После многих совещаний было признано, что наиболее приемлемый вариант помощи Греции – это посылка в Эгейское море и к Дарданеллам боевой эскадры с одновременным крейсированием Черноморского флота у Босфора. Но и здесь было над чем подумать. Английский флот к этому времени насчитывал более ста тридцати линейных кораблей и две сотни фрегатов, не считая прочей мелочи. Российский флот только еще начинал приходить в себя после александровского правления. Но выбора не было, и Николай I передал указание Балтийский флот к плаванию готовить.

24 июня 1827 года оттуда последовал новый политический шаг. Российский посол в Лондоне князь Ливен, французский посол принц Полиньяк и британский министр виконт Дублей по настоянию Ливена подписали тройственный договор в защиту греческой независимости.

Особая статья этого договора гласила о том, что Турции дается всего месяц на заключение перемирия с греками. В противном случае союзники обязывались послать в Средиземное море свои эскадры, дабы воспрепятствовать дальнейшей переброске в Пелопоннес свежих египетских войск. И хотя Дублей с Полиньяком уговорили Ливена применительно к эскадрам употребить фразу «ограничиться наблюдением», главное было достигнуто.

Больше других перечитывал присланный документ французский король Карл X.

Сын дофина Людовика, граф д'Артуа (этот титул носил Карл до коронации) большую часть своей жизни провел в эмиграции, спасаясь от якобинской гильотины. После отречения Наполеона он вернулся во Францию, а после смерти своего старшего брата Людовика XVIII стал королем. В молодости будущий король отличался беспутством, но затем стал ревнителем самой строгой нравственности. Карла, по свидетельству современников, отличали изящные манеры, придворная элегантность и весьма ограниченный ум.

Вот и теперь, листая присланные бумаги, король с напряжением силился понять, не прогадал ли он.

– Разумеется, ослабление Стамбула даст нам шанс вернуть влияние в Египте, – рассуждал осторожный Бурбон в кругу своего кабинета. – Но ведь с ослаблением Стамбула усиливают свои позиции Англия с Россией! Вот и австрийский посол умоляет меня не торопиться исполнять все параграфы Лондонского договора. Думаю, что мы пока ограничимся лишь общими обещаниями.

– Вы правы, ваше величество! – склонили головы министры. – На кону слишком много, и игра должна быть беспроигрышной!

В то время союзные державы имели в турецкой столице послами: Россия – Александра Ивановича Рибопьера, сына французского дворянина, бежавшего от ужасов революции. Рибопьер был неплохим политиком и превосходным финансистом, успев в свое время побывать даже директором Государственного коммерческого банка. В уме он легко множил восьмизначные на восьмизначные, чем вызывал всеобщий восторг и зависть.

Англичане держали нынче при султানে Стратфорда Каннинга, двоюродного брата министра иностранных дел Джорджа Каннинга. К этому времени Каннинг-младший успел уже послужить на дипломатическом поприще в Швейцарии и в США. Участвовал он и в Венском конгрессе. Излишне говорить, что младший брат пользовался полным доверием у старшего. В Константинополь его перевели из Петербурга как бы в доказательство неизменных сочувствий лондонского кабинета к Порте, да и сам Каннинг-младший был известным туркофилом.

Французский король в отличие от остальных прислал на Босфор бывшего наполеоновского генерала Гильемино Армана-Шарля. Генерал успел повоевать от Пиреней до Малоярославца и от Данцига до египетских пирамид. Последней боевой кампанией ветерана было недавнее вторжение армии герцога Ангулемского, где Арман-Шарль участвовал в качестве начальника штаба. И вот теперь закаленного в ратных делах ветерана бросили на поприще дипломатическое, совершенно для него новое. Перед убытием его наскоро посвятили в тонкости дипломатического мастерства:

– Всем улыбаться, но никому не верить! Больше слушать и меньше говорить! Все остальное вам укажут в инструкциях!

Перед тем как навестить собор турецкий диван, послы собрались вместе и совещались. Каждый говорил в соответствии со своим прошлым опытом.

– Надо посильней треснуть кулаком по столу и сказать, что если не выполнят наших требований, в дело вступят армии, и уж они не оставят от всей Турции камня на камне! – заявлял бравый генерал Арман-Шарль. – Нечего миндальничать с этими прохвостами! Восток признает лишь силу!

– Штыки хорошо, но золото лучше! – благостно вздохнул бывший банкир Рибопьер Александр Иванович. – От штыка уцелеть можно, но от хорошей взятки – никогда! Надо подкупать всех и вся, а потом уже диктовать свои условия!

– Что вы, что вы, господа! – махал руками Стратфорд Каннинг. – Какие штыки, какие взятки, когда мы перво-наперво должны получить подробнейшие инструкции от своих министров. Пока не будет этого, я и пальцем не шевельну!

... Как бы то ни было, но в конце июля все три посла в Стамбуле – русский, английский и французский – заявили к министру иностранных дел рейс-эфенди³ с решительным ультиматумом.

– Главы наших государств настаивают на посредничестве между Стамбулом и Афинами в решении греческого вопроса!

– Не желаю и слышать! – отвечал им рейс-эфенди Портев-паша, на подушках возлежа в меланхолии пространной. – Никогда и ни от кого я не приму какого бы то ни было предложения о греках, ибо этот вопрос есть внутренние дела Оттоманской Порты, а ваша нота – вмешательство в наши внутренние дела! Бумаги ж ваши брать я не буду!

Делать нечего, послы вышли в приемную и деликатно «забыли» свой ультиматум на софе. Случай сам по себе аналогов в истории не имеющий! Так, весьма необычно, состоялось вручение важного политического документа.

– Последствия не заставят себя ждать! – заявил рейс-эфенди, уходя, российский посол Рибопьер.

– И последствия суровые! – добавил генерал Арман-Шарль.

– Мой брат Каннинг-старший еще скажет свое веское слово! – погрозил холеным пальцем Каннинг-младший. – Вот тогда дождетесь у нас!

Едва послы покинули диван, рейс-эфенди велел звать переводчика-драгомана и переводить послание союзников. Когда переводчик прочитал текст ноты, Пертев-паша призадумался:

– Это, кажется, уже война!

– Нет, но союзники уже твердо решили препятствовать нам в высадке войск на греческий берег! – подал голос кто-то из советников.

– Но как совместить понятие о дружбе с понятием о принуждении? – воскликнул рейс-эфенди. – Не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга! Не могут!

Спустя месяц, ровно день в день, послы вновь дружно заявили к меланхоличному рейс-эфенди.

– Что решило ваше правительство, ведь срок ультиматума истек? – спросили они министра.

Рейс-эфенди был внешне надменен:

– Я опять заявляю, что определяющий, неизменный, вечный и окончательный ответ царя царей и владыки правоверных: никогда и ни от кого он не примет какого бы то ни было предложения о греках!

Сидевшие на скамьях вдоль стен вельможи согласно закачали огромными тюрбанами:

– Греция – наше дело! Нам решать, карать или миловать прахоподобных греков!

Тогда вперед иных вышел Рибопьер, тайный советник и кавалер многих орденов.

– Султан шутит с огнем! – мрачно заявил он.

– Вы объявляете нам войну? – скривил презрительно губы министр.

– Война еще не объявлена, но наши эскадры блокируют берега Греции и по первому приказу готовы вступить за честь своих флагов!

– Как можно совмещать дружбу с угрозами? Не могут огонь и хворост безопасно лежать друг подле друга! – пустился в философствования рейс-эфенди. – А впрочем, великий флот и войско падишаха Вселенной сумеют постоять за себя!

– Ну, это мы еще посмотрим! – мрачно хмыкнул ветеран Наполеоновских войн генерал Арман-Шарль. – Хотя, по мне, лучше было бы и обойтись без пролития крови!

В тот же день, посоветовавшись, послы решили известить о несговорчивости турок командующих своих эскадр, которым предписано было в ближайшее время появиться у греческих берегов.

Более иных настойчив в том был Александр Рибопьер:

– Коль меры убедительные успеха не имели, следует непременно переходить к мерам принудительным!

Рибопьера горячо поддержал старый вояка Арман-Шарль. Британский посол отмолчался, но и против не выступил.

Что касается греков, то их правительство, находившееся к тому времени на острове Порос, немедленно известило всех и вся, что они принимают все параграфы Лондонского трактата союзников незамедлительно и с радостью. Таким образом, принудительные меры союзникам следовало принимать лишь против находившихся в Морее турок и египтян.

Весь демарш, предпринятый тремя союзными послами в Константинополе, обернулся их полным поражением. Турция ни на какие уступки идти так и не согласилась. Отныне исход конфликта должен был решаться уже не в дипломатических салонах, а на шканцах боевых кораблей. Время политиков заканчивалось, начиналось время адмиралов!

Сэр Стратфорд Каннинг писал в те дни вице-адмиралу Кондрингтону: «...Хотя и не следует принимать враждебных мер и хотя союзные правительства желают избежать всего, что могло бы привести к войне, тем не менее, в случае надобности, прибытие турецких подкреплений должно быть, в конце концов, предупреждено силой, и если бы все другие средства были истощены, то пушечными выстрелами».

А ни Махмуд II, ни его рейс-эфенди все никак не могли поверить в, казалось бы, очевидное – что три великие державы готовы выступить против них из-за столь, казалось бы, ничтожного повода, как свобода Греции. А потому султаном было велено своему министру иностранных дел проявлять в переговорах известную выдержку. Пусть союзники пошумят и отступят! Кроме того, послано было и ободряющее письмо Ибрагим-паше в Наварин.

События в Греции ждать себя долго не заставили. Египетские полки Ибрагима снова пришли в движение и устремились в новый опустошительный поход по окровавленной Элладе. Поход этот, по разумению султана, должен был показать всем сомневающимся, что отдавать кому-либо свой законный пашалык он не намерен. Пока сам Ибрагим жег города и села в Морее, его первый помощник Решид-паша громил провинции на западе страны. Мелкие отряды инсургентов отступали все дальше и дальше в горы. Крупных боев уже не было, но мелкие ожесточенные стычки происходили повсеместно.

В довершение всего, как обычно бывает в пору поражений, в греческом стане начался разброд и дразги. Партия землевладельцев стала подозревать в диктаторских устремлениях немногочисленных, но ершистых буржуа, а те с подозрением косились в свою очередь на влиятельную группировку владельцев судов. Обвиняли друг друга и генералы. Народ же молил о пришествии настоящего спасителя отечества, звал его, и этот спаситель пришел. Звали его Иван Каподистрия, был он генералом российской службы и выдающимся европейским политиком. Каподистрия еще не прибыл в греческие пределы, а его уже избрали президентом.

– Берегите силы! – слал советы соратникам Каподистрия, пытавшийся сам тем временем незаметно для турок пересечь границу. – Изматывайте врага в мелких боях. В большее ж не связывайтесь! Нам надо лишь выиграть время, и Россия придет нам на помощь!

Новый греческий президент говорил со знанием дела. Каподистрия был свидетелем партизанской борьбы двенадцатого года в России. Но его голосу на родине не вняли. Во главе греческой армии в те дни встали новые генералы – английские. Один из них – Джон Черч – даже самолично произвел себя в генералиссимусы. Эти-то генералы и решили собрать воедино все отряды и дать туркам генеральный бой. Трезвые головы, правда, нашлись и здесь:

– Граф Каподистрия советует переходить на войну партизанскую.

– Рисковать последним – это смерть!

– У Эллады, наверное, уже не осталось никого из ее героев! – презрительно усмехались Джон Черч (генералиссимус!) и Пол Конкрейн (адмирал!). – Неужели ныне в цене здесь одни трусы?

Последние письма лорда Каннинга требовали немедленного успеха. Это укрепило бы позиции Англии среди греков, партизанская борьба, провозглашаемая Каподистрией, была на руку России, а этого допустить было никак нельзя!

Масла в огонь добавило и неожиданное отбитие у турок одним из небольших отрядов монастыря Святого Спиридония. И хотя этот мелкий успех ничего, в сущности, не менял, уверенность у поборников генерального боя окрепла. Тогда-то правители и решили бесповоротно – генеральному сражению быть!

...На рассвете 5 мая 1827 года, когда в тесных горных ущельях еще стоял туман, а солнце еще только начинало свое восхождение в небо, греческие войска лавиной устремились на врага. Когда же на западе запламенел закат, все было кончено. Греческая армия, разгромленная наголову, более не существовала. Лишь неутомимые башибузуки, бродя меж павших, с азартом резали головы раненым. А буквально спустя несколько дней пал и последний оплот повстанцев – афинский Акрополь. С этого момента всякое сколько-нибудь организованное сопротивление Ибрагиму-паше прекратилась. Отныне каждый отряд, каждый еще державший в руках ружье повстанец был предоставлен самому себе. Многие епархии, не видя более смысла в борьбе, предавались на милость турок, надеясь этим спасти людские жизни и нажитое добро.

Сокрушительное поражение сразу же привело к окончательному разброду в рядах повстанцев.

– Будем сражаться до последней капли крови! – призывал греков неукротимый вождь храбрецов Колокотрони.

За Колокотрони стеной стояли отважные спартиаты, в чьих жилах текла кровь героев Фермопил и Марафона. За Колокотрони были и все полевые капитаны.

– Зачем умирать, когда можно попробовать выгодно договориться! – вещал умеренный и осторожный купец Мавромихали.

Мавромихали поддерживали ионийцы – народ предприимчивый и торговый. Ионийцам война была ни к чему, принося одни убытки. За Мавромихали стояли купцы и землевладельцы.

К осени 1827 года передовые байраки Ибрагим-паши вышли к горному проходу Армиро на Коринфском перешейке, что соединяет материковую Грецию с Пелопоннесом. Армирское ущелье узкое, обрывистое и длинное, но это единственный путь, и миновать его невозможно никому.

У Армиро длинноусый и воинственный Колокотрони собрал полторы тысячи воинов, поклявшихся умереть, но не отступить.

– У царя Леонида было всего лишь триста спартанцев против миллиона персов, и он не дрогнул! Неужели мы дрогнем, ведь нас пятеро больше!

– Ура! – кричали инсургенты, потрясая своими длинными ружьями.

Однако и египетский паша в деле воинском сведущ был не хуже Колокотрони. Выставив против греков сильный заслон, он исподволь готовил им в тыл десант на заранее припасенных лодках. Высадившись в заливе Каламата, десантники должны были внезапно ударить защитникам Армиро в спину. Однако десант Ибрагиму приходилось все время откладывать и откладывать. Неподалеку бродили английская и французская эскадры, и кто знает, что ожидало утлые лодки, переполненные солдатами, при встрече с ними.

Тем временем по всей линии противостояния противников шли каждодневные стычки и перестрелки. В перерывах же между ними греки с турками переругивались, прячась за камнями.

– Сдавайтесь, неверные собаки! – кричали турки. – Иначе мы намотаем ваши кишки на свои ятаганы!

– Это нам теперь не к чему! – откликались им с противоположной стороны. – Мы не сдавались даже тогда, когда не видели конца своим несчастьям, так зачем же теперь нам сдаваться, когда за Грецию встал весь христианский мир!

– Тогда мы опустошим вашу землю!

– Попробуйте, но прежде переступите через наши трупы!

Тем временем главные силы греков под началом английского генерала Джона Черча бесцельно стояли лагерем далеко от Армирского прохода в местечке Мегиспелизм. Все послания Колокотрони с просьбой действовать сообща Черч оставлял без ответа. Генерал презирал грубияна и разбойника Колокотрони и помогать ему ни в коем случае не собирался. У Черча было свое отношение к

происходящим событиям, генерал ждал очередных инструкций из Лондона.

Весть о том, что европейские правительства решили отправить к берегам Греции боевые эскадры, вселила новые надежды в разрозненные отряды инсургентов. Пользуясь тем, что Ибрагим-паша несколько увлекся разорением всех, даже самых маленьких, селений и ослабил натиск на ушедшие в горы дружины, те понемногу вновь стали объединяться, а объединяясь, приступали к новой партизанской войне.

Тем временем восемь тысяч арабов методично и безжалостно вырубали фруктовые сады Миссении и Аркадии. Избивая греков, наемники Ибрагима не забывали при случае поживиться и за счет местных турок.

– Зачем рубить наши виноградные лозы? – кричали турки и плевали в лица египетским наемникам.

– Затем, чтобы превратить здешние края в нашу пустыню! – хохотали им в лицо египтяне.

Видя, как одномоментно дружно выкорчевывают их многолетние сады, старейшины морейских турок потрясали кулаками:

– О, если б греки протянули нам руку дружбы, мы собственноручно задушили бы этих головорезов!

К этому времени свободным остался лишь маленький гористый островок со звучным именем – Гидра, да и то только потому, что за явной малозначительностью Ибрагим-паша о нем поначалу попросту позабыл. На Гидре собрались самые отчаянные и непримиримые, давшие клятву драться до конца.

Махмуд II торопил Ибрагима с занятием острова. Гонца, спешащего в Наварин, он наставлял лично:

– Следует как можно поспешить с занятием этой скалы. Тогда нам просто не о чем будет говорить с франками!

Под франками султан подразумевал всех сразу: и французов, и англичан... и русских.

«Лев Морей» (этот титул Ибрагим-паша получил после захвата Акрополя) начал деятельные приготовления к вторжению на Гидру. Для этого в Наварин стал стягиваться мощный флот. Первой подошла из Александрии египетская эскадра, за ней – турецкая. Одновременно

на берегу готовился и десантный корпус. «Лев Морей» готовился к своему последнему прыжку...

Глава четвертая

Эскадра особого назначения

Если Петербург – столица России, то Кронштадт – ее морские ворота. Балтийский свежак неустанно разгоняет волну, и та с маху бьет в гранит прибрежных фортов. Здесь начинаются дороги в океан, и здесь они заканчиваются. Здесь воздух насквозь пропитан морем и смоляными канатами, а над головами мореходов пронзительно кричат чайки.

В доме капитана Лазарева, что на Дворянской, в двух шагах от Якорной площади, – скромное застолье. Повод приличествующий – гости. Из Петербурга приехал дядька супруги отставной капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Корнилов с письмами и гостинцами. И хотя капитан Лазарев застолий не жаловал, на сей раз сам подливал в бокалы и тосты говорил затейливые.

Женился капитан в года зрелые и, жену свою молодую любя, старался ей во всем угодить. Вот и теперь как мог поддерживал веселого дядюшку, но тот смотрел зорко:

– Чтой-то ты, Мишель, бокал свой половинишь? Ведь моряк ты первостатейный, а посему должен быть таковым и в застолье!

– Что ж поделать, – пожимал плечами Лазарев, – коль назавтра мне велено в министерстве быть. Куда ж я на утро с больной головой?

– Что верно, то верно, – кивал дядюшка, себе из штофа между тем подливая, – голова у казенного человека завсегда должна быть светлой!

Когда же выпито и съедено было изрядно, дядюшка перешел к главному, ради чего, собственно говоря, и занесло его в эти края.

– Вот, Мишель, хочу попросить тебя, как сродственника, о деле одном, весьма для меня важном, – молвил он, от стола отстранясь и губы салфеточкой вытирая.

– Всегда рад помочь, коль в моих силах! – развел руками хозяин.

– Младшенький мой, Володька, в прошлом годе корпус кончает, а служит в 20-м экипаже и на «Проворном» уже до Догер-банка сходить успел, но хочу я, чтоб службу свою продолжил он под твоей командой. Ты человек опытный и у начальства на счету хорошем, я уже узнавал!

А мне покойней за него будет, когда в окоян поплывете! Так что уж не откажи сродственнику!

Лазарев поморщился. Уж очень не любил капитан протезированных, предпочитая всегда сам отбирать к себе самых боевых и хватких. Видя раздумья мужа, немедленно вмешалась супруга.

– Ну что ты, Миша, – подошла и обняла сзади ласково. – Володя прекрасный мальчик, очень начитан и романтичен! Как же мы откажем нашему маленькому кузену!

И Лазарев сдался.

– Хорошо! – сказал, брови морща. – Беру вашего Володю к себе, но учтите, что спуску ему ни в чем не будет! А гонять стану больше, чем иных!

– Вот и славно, – опрокинул в себя еще рюмочку дядюшка. – Большое дело сделано!

Через пару недель в казарменный кабинет, где сиживал командир линейного корабля «Азов» капитан 1-го ранга Лазарев, бумаги к кампании предстоящей составляя, постучали.

– Входите поживее! – бросил каперанг, от бумаг не отстраняясь.

– Мичман Владимир Корнилов! – звонко раздалось с порога. – Прибыл к вам для служебного прохождения!

Лазарев поднял глаза. Напротив него стоял подтянутый красивый юноша с восторженными глазами.

Встав, Лазарев подошел к мичману и, пристально глядя в лицо, сказал:

– Поздравляю со вступлением в морскую семью! Это большая трудность, но и честь немалая! Будь достойным ее! Вечером с супругой ждем тебя к чаю, а теперь ступай к лейтенанту Бутеневу, будешь пока под его началом!

В дверях Корнилов разминулся с писарем – тот тащил на стол капитану новую стопку служебных бумаг. Ничего удивительного в том не было. Во все времена на флоте российском писали столь обильно, что только в море капитаны от дел чернильных и отдыхали.

Весной в Кронштадте всегда оживленно. Город и порт просыпаются от зимней спячки. Моряки начинают готовиться к летним плаваниям. В гавани вместо привычной тишины шум и гам: скрипят тали, стучат молотки, визжат пилы, то и дело грохочут пушки – это комендоры опробуют орудийные стволы. Так было всегда, так было и в году 1827-м, когда, закончив вооружение, назначенные в кампанию корабли по одному вытягивались на рейд.

Майские дни были солнечны, а легкий бриз лишь слегка рябил волну. Где-то в середине месяца в Кронштадт прибыл адмирал Сенявин.

Дмитрий Николаевич – из старейшей династии российских мореходов. Когда-то был в любимцах у светлейшего Потемкина, сражался с турками под началом Ушакова, с которым даже соперничал в славе. Но подлинным венцом славы флотоводца стала Архипелагская экспедиция. Две войны провел там Сенявин: вначале с французами, а затем с турками. И если французов он громил на берегах Далмации, то турок – у скал Дарданелльских. Дважды жестоко истреблял он султанский флот. По окончании ж экспедиции, возвращаясь на Балтику, был блокирован англичанами в Лиссабоне. Пока моряки дрались в пределах средиземноморских, император Александр замирился с французами и рассорился с англичанами. Русская эскадра оказалась в Портсмутской ловушке. Но и здесь Сенявин нашел достойный выход, чтоб сохранить Отечеству не только корабли и людей, но и честь Андреевского флага. Александр, однако, остался флотоводцем недоволен. Сенявин, сам того не подозревая, где-то помешал императору в его хитроумных комбинациях. Поэтому едва вице-адмирал вернулся, как был тут же спроважен в отставку без почестей и шума.

Но и это еще не все! Будучи командующим эскадрой, Сенявин из-за финансовых трудностей с согласия экипажей удерживал часть причитающихся офицерам и матросам денег на общие нужды в счет будущей оплаты по возвращении домой. Но по прибытии в Кронштадт оказалось, что никто выдавать морякам деньги не собирается. Александр I просто отшвырнул бумагу с прошением Сенявина прочь. Для флотоводца это был удар, ведь он не сдержал слова, данного своим подчиненным, обреченным отныне из-за него на нищенское существование. Личные средства Сенявина, которые он тут же пустил

в дело, решить проблемы не могли. В результате этого, распродав все свое имущество, сам вице-адмирал впал в крайнюю нужду и вынужден был нищенствовать.

Разве мог когда-нибудь представить себе гордый и блестящий потемкинский адъютант Дмитрий Сенявин, что в преклонные годы и в адмиральских чинах будет стоять на паперти! Наверное, такое не могло привидеться ему и в самом страшном сне...

В те годы часто можно было видеть грязного и босого старика, бредущего куда-то по петербургским улицам в рваном больничном халате. То был герой Афона и Дарданелл вице-адмирал и кавалер Сенявин. Старик заходил в дома своих старых знакомцев и стоял в передней, просил подаяние. Отводя взгляд, знакомцы молча совали ему когда целковый, а когда и трешку. Собравши в тряпицу десяток-другой рублей, нес их Сенявин в петербургские ночлежки, где доживали свои дни больные и увечные ветераны Средиземноморской кампании.

– Благодетель ты наш, Дмитрий Николаич, – крестились, слезу смахивая, безрукие да безногие инвалиды. – Не бросал ты нас среди огня турецкого, не бросаешь и сейчас в горестях наших!

Нищенство знаменитого флотоводца оттолкнуло от него многих именитых друзей. Да и кому охота знаться с завшивленным и убогим! Конечно, обращение с Сенявиным возмущало тоже многих, но царь был неумолим, а послушаться его было небезопасно.

В мгновение ока изменилась судьба Сенявина лишь с воцарением на троне Николая I. Новый император сразу же вернул заслуженному флотоводцу все его имущество, присвоил чин полного адмирала. По приказу Николая было велено вернуть все причитающиеся деньги участникам средиземноморской экспедиции Сенявина. До последнего дня своей жизни будет разыскивать своих сослуживцев по городам и весям Дмитрий Николаевич, восстанавливая справедливость и выполняя данное им свое адмиральское слово.

Мало кто знает, но в своем завещании, оставленном задолго до смерти, велел Сенявин положить себя в гроб не в раззолоченном адмиральском мундире при регалиях, а в том самом рваном больничном халате, в котором просил подаяние на улицах Петербурга. Хоронить же себя велел флотоводец на Охтенском кладбище среди безродного люда. Забегая вперед, скажем, что завещание старого

адмирала так никогда исполнено и не было. Ему воспротивился Николай I, который, наоборот, велел придать похоронам выдающегося флотоводца исключительную торжественность и пышность, самолично командуя (случай небывалый) войсками, отдававшими воинские почести покойному. Но это все еще далеко впереди, а пока...

Возвращенный на службу Николаем и прошедший проверку на преданность в Верховном уголовном суде по делу декабристов, Сенявин наконец-то был отпущен к флоту.

В парадной зале Морского собрания адмирал собрал флагманов и корабельных командиров.

– Мне велено его величеством отныне возглавлять комиссию по возрождению и совершенству нашего флота! – объявил он. – Начинать же я решил с проверки эскадр практических и посему в нынешний год самолично поведу их в море!

Сенявин бросился на флотские дела истово, так, наверное, припадает к источнику живительной влаги изможденный дорогой путник... За плечами ж флотоводца были два долгих десятилетия отставки и забвения...

* * *

Едва суда капитан-командора Беллинсгаузена вернулись из Средиземного моря в Кронштадт, до Николая I стали доходить сведения, что английские крейсеры уже всю «охраняют торговлю» в Архипелаге. Там же объявилась и так называемая «летучая эскадра» французов.

– Каюсь, что надо было слушать не вора, а моряка! – признал свою ошибку Николай I, памятуя о не столь давнем споре Сенявина с Моллером по возвращении Беллинсгаузена на Балтику. – Теперь надо думать о посылке новой эскадры, иначе мы можем остаться на обочине!

За полтора года царствования Николаю I удалось несколько поправить дело с флотом, но не настолько, чтобы вернуть ему всю былую силу. Было очевидно, что идти в столь грозном виде, как в прошлую сенявинскую экспедицию, никаких кораблей не хватит, ведь надо было еще оставить флот и на Балтике! А потому в настоящих

обстоятельствах можно было говорить лишь о посылке небольшой вспомогательной эскадры.

Сам император, готовясь к кампании 1827 года, весьма детально самолично расписал новый штат флотского экипажа, которого вполне должно было хватать на укомплектование линейного корабля с фрегатом; все боеспособные корабли и суда император разделил на две дивизии: синего и белого флага.

Дивизия Синего флага считалась в то время 1-й дивизией, а дивизия Белого флага – 2-й. В каждую из дивизий входили отныне по три бригады, а каждая бригада состояла из трех экипажей. Впоследствии, в 1829 году, по мере постройки новых судов, была сформирована и 3-я дивизия Красного флага.

* * *

Корабли Балтийского флота готовились к предстоящей морской кампании. Один за другим выходили на рейд: «Князь Владимир», «Святой Андрей», «Изекииль», Александр Невский», «Азов», «Гангут», фрегаты «Константин», «Вестовой» и «Кастор». За ними остальные. Все они образовывали эволюционную эскадру, командование которой вручалось адмиралу Сенявину. Согласно воле императора им надлежало за летние месяцы «отработать практические эволюции в море». Вот уже и команды переселились из казарм в еще сырые от снега и дождей палубы. Младшие флагманы вице-адмирал Ефим Лутохин и контр-адмирал Логин Гейден подняли свои флаги. Первый – на «Владимире», второй – на «Андрее».

Помимо сенявинской эскадры готовились к практическому плаванью суда гвардейского отряда под началом директора Морского корпуса Ивана Крузенштерна, брандвахтенные фрегаты, различные транспорты и мелкие суда.

Всего в море должны были в полном составе отправиться двенадцать флотских экипажей. Давненько такого не было!

Флотские ликовали:

– Неужели и взаправду возрождаться начали! Неужели теперь и плавать, и служить будем по настоящему, а не маршировать до одури на плацах солдатских!

А вокруг все только и говорили, что о скорой возможной войне, и, хотя никаких официальных заявлений не было, газеты ежедневно доносили все новые и новые тревожные вести с Балкан. Естественно, что и в капитанских салонах, и в мичманских выгородках обсуждали один и тот же вопрос: будут ли воевать? Затем уж терялись в догадках: с кем и когда? Ходили упорные слухи, что будет снаряжаться эскадра в Америку, помогать испанцам восстановить их пошатнувшееся могущество, однако все сходились во мнении, что все-таки было бы лучше помочь грекам.

По-своему тревожились и матросы:

– Неспроста нынче главнокомандовать над нами самого Сенявина приставили, видать, что-то серьезное затевают!

Изо дня в день младшее офицерство изводило вопросами старших, те, в свою очередь, донимали старших бригадных, да эскадренных начальников. Наконец флагманы, устав от расспросов, заявили к Сенявину.

– Дмитрий Николаевич! – обратился от имени всех вице-адмирал Лутохин. – Что в столице говорят? Куда мы ныне форштевни свои повернем? Уж не в средиземные ли воды?

Сенявин лысую голову почесал, глаза прищурил. Старый адмирал был не только опытным моряком, но и дипломатом известным.

– Кто знает, господа! – только и сказал. – На все монаршая воля. Куда пошлют, туда и двинемся!

А спустя несколько дней лег на сенявинский стол доставленный императорским флигель-адъютантом пакет. Ножичком для резки книг вскрыл его адмирал. Рука при этом дрожала то ли от старости, то ли от волнения. В пакете оказалось высочайшее повеление о немедленном довооружении и следовании эскадрой к берегам Англии. Текст повеления гласил: «Господин адмирал Сенявин, избранный высочайшей ответственностью к принятию главного начальства над эскадрой, отправляемой из Кронштадта, имеет следовать по данной ему уже инструкции в Портсмут. По прибытии в Англию и предварительном сношении с пребывающим в Лондоне послом князем Ливеном г. адмирал Сенявин по воле Е.И.В. отделит от эскадры, ему вверенной, и по собственному его выбору 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига для составления эскадры под командой контр-

адмирала Гейдена. Эскадре сей назначается идти в Средиземное море...»

Сенявин, бумагу прочитав, остался недоволен:

– Турок не то что бить, даже страшать запрещается! Да и какая сила – десяток судов? Тут как бы самим на чей-нибудь кулак не нарваться!

Так как послание Николая было секретным, то разглашать его адмирал не посмел. Эскадра готовилась к плаванию в полном неведении. Сенявин велел лишь предельно ускорить все работы.

Буквально на следующий день подоспела и бумага начальника Главного штаба Моллера, разъясняющая императорское повеление: «...Высочайшая Государя Императора воля есть, дабы в. в. пр-во во время плавания вашего приложили все старание довести эскадру эзерцициями и строгой военной дисциплиной до должного совершенства по всем частям морской службы. Когда эскадра, вам вверенная, совершенно будет готова к предназначенному ей плаванию и сделан будет депутатский смотр, вы, г. адмирал, при первом попутном ветре благоволите сняться с якоря и следовать в Портсмут. На вашем пути не оставьте зайти сперва в Ревель, потом в Свеаборг и быть на рейдах сих портов не более 3-х дней в каждом... Ежели в Портсмуте не получите особых повелений, то следовать вам в Брест и там, пробыв несколько дней по вашему усмотрению, идти в обратный путь к Кронштадту...»

Современники вспоминают, что в те дни Кронштадт напоминал разворошенный муравейник. Все куда-то спешили, каждый что-то тащил. Повсюду сновали шлюпки и баркасы, ялики и прочая портовая мелюзга. У складов с припасами – очереди преогромные. Случались и скандалы. Приходят, к примеру, матросы с «Азова», а там уже команда с «Гангута» бочки катит.

– Мы первыми тут стояли! – пропихиваются «азовцы».

– Ишшо чего! – напирают гангутские. – Наш шхипер еще с вечера под тутошними воротами дрых, место держал! Скажи, Трофимыч!

Спорщиков утихомиривали чиновники интендантские:

– Хорош лаяться! Всем мякоти пороховой насыпем. Еще полыхнет, не возрадуетесь! Таш-шы бочата!

– Тьфу ты, – плевались, расходясь, матросы азовские да гангутские. – Не накаркал бы черт языкатый!

К главным силам эскадры, согласно плану, позднее должны были присоединиться фрегаты «Константин» и «Вестовой». Первый из них был задействован для отправки в Голландию семейства посла князя Волконского, а второй – для перевозки в Ревель со всем огромным скарбом семьи и свиты графа Кочубея.

«Вестовому» отчаянно не повезло. Вначале он долго ждал прибытия Кочубея с домочадцами и слугами, затем вышел в море, но вернулся из-за штормовой погоды. Второй раз плыть морем Кочубей наотрез отказался:

– Уж больно у вас сильно качает. Почитай, всю душу у меня вывернуло, одной желчью и плевался! Лучше уж я до города Ревеля в коляске проедусь!

На фрегате осталась лишь графская прислуга и имущество. Вновь выйдя в море, «Вестовой» у самого Ревеля выскочил на камни. Трое суток моряки пытались спасти судно, а затем съехали на берег. «Вестовой» разбило волнами, а вместе с ним ушло на дно и все кочубеевское барахло. Слава Богу, хоть все живы остались.

Адмирал Сенявин первоначально планировал включить «Вестовой» в отряд Гейдена, и, таким образом, фрегат вполне мог бы принять участие в Наваринском сражении. Командир «Вестового» капитан-лейтенант П.Б. Домогацкий за потерю судна был отдан под суд и после проведенного разбирательства изгнан со службы.

* * *

Незадолго до выхода в море эскадры вернулись в Кронштадт со Средиземного моря суда отряда Беллинсгаузена, укомплектованные офицерами и матросами гвардейского экипажа: «Царь Константин» и «Елена». Моллер настаивал, чтобы Сенявин включил их в эскадру. Но тот наотрез отказался.

– Гвардейские команды уже в Петербург сбежали отдыхать от трудов праведных и веселиться, а новые еще только осваиваться начали. Куда их сейчас опять за пять морей гнать. Пусть к плаванью готовятся со всей серьезностью и без спешки авральной!

– Но ведь от этого эскадра ваша слабее станет! – не унимался Моллер.

– От того, что два не готовых судна в ней состоять не будут, она, наоборот, станет сильнее! Что же касемо участия в плавании средиземноморском, то, помяните мое слово, что одним отрядом грейговским все не ограничится, и нам еще не раз придется посылать туда новые эскадры! Коль с турками драку затеваем, то там всем делов хватит!

Но командиры судов капитан 2-го ранга Зеленой и капитан-лейтенант Епанчин горели желанием успеть выйти в море со всеми. На «Царе Константине» и «Елене» авралили круглые сутки.

В конце концов Сенявин согласился взять их до Портсмута.

– Прилежание и старание ваше награды достойны! – сказал он довольным командирам.

К удивлению многих, и сам старик Сенявин не ограничивался чисто начальственным делом, а лично разъезжал по кораблям вверенной ему эскадры, вникая там в каждую мелочь вплоть до проверки ружейных замков. А бумаг у него все прибывало. Особенно много забот было с парусами. Как обнаружилось, выданные в порту паруса оказались сгнившими.

– А что мы сделать можем, когда столько лет на складе провалялись! Новые-то и забыли, когда присылали!

Сенявин же требовал только надежные, и непременно три комплекта.

– Ежели нет трех, давайте хотя бы один надежный, а остальные парусиной! Сами в походе шить будем, а гнилья не возьму!

Известие о том, что адмирал требует три полных парусных комплекта, уверило в том, что намечается большое плавание, и последних скептиков, ибо по Балтике всегда обходились и двумя.

Вслед за императорским указом прислало свою инструкцию Министерство иностранных дел, затем целой грудой предписаний и разъяснений разродился Главный морской штаб.

Приезжала и комиссия депутатская: вице-адмиралы Пустошкин, Галь, Огильви, контр-адмиралы Крузенштерн с Головинным да капитан-командор Митьков. Во главе комиссии – известный мореплаватель адмирал Гавриил Сарычев. Депутаты корабли осматривали тщательно, но вели себя деликатно, помня об авторитете командующего. Сенявин принимал всех радушно, но особо был рад

своему соплавателю по прошлой Средиземноморской экспедиции Митькову.

– Ну, Феденька, здравствуй! Давненько мы с тобой не виделись! – целовал его при встрече. – Поплыли со мной, душа моя!

– Да я бы с дорогой душой, Дмитрий Николаевич! Вам ли не знать, сколь люблю я наше дело корабельное! – разводил тот в стороны руками. – Да вот приставили меня к делам береговым, и, как червяк в земле, в бумаженциях нынче роюсь и все никак из оных выбраться на свет не могу!

А в один из дней на эскадру внезапно пожаловал и сам император Николай I. С ним – вице-адмирал Моллер, генерал от инфантерии Дибич и новый «куратор» флота князь Меншиков.

На правом – парадном трапе флагманского «Азова» его встречали сам Сенявин и командир корабля Лазарев. Эскадру Николай застал врасплох. О его приезде никто не знал, и к приему не готовились. На «Азове» не успели даже вызвать караул, а матросы с офицерами выстроились, как были, в рабочем платье. Но император разносов не чинил. Осмотрев сначала «Азов», а затем стоящий подле на якоре «Гангут», Николай заявил, что ходом работ вполне доволен.

На этом, однако, внимание императора к уходящим кораблям не кончилось. Оставаясь в Кронштадте, он теперь наезжал на эскадру почти ежедневно. В один из таких приездов Николай прихватил с собой и союзных послов: английского и французского. Объехав все корабли, высокие гости прибыли на «Азов». Показывая послам корабельный арсенал, император обратил внимание на искусно выложенные там из ружейных замков имена великих побед: Гангут, Ревель, Чесма. После последнего слова была буква «и».

– Что значит эта буквица? – обернулся Николай к сопровождавшему его Лазареву.

– Сие означает дальнейшее продолжение всех выше выставленных имен! – отвечал лихой моряк.

– И что же будет дальше? – поинтересовался царь, улыбаясь.

– Имя первой победы флота вашего императорского величества! – был достойный ответ.

– Что ж, – покосился на притихших послов Николай I. – С такими молодцами ждать мне придется недолго!

Командиру он объявил благодарность, офицерам – благоволение, а команде – по два целковых, по двойной порции вина и «приварок» в два фунта мяса каждому.

* * *

Данному своей супруге слову – сделать из ее кузена мичмана Корнилова настоящего моряка – Лазарев остался верен. Незадолго до выхода из Кронштадта, на переходе морем обходя корабль, капитан 1-го ранга зашел в выгородку над кубриком, где квартировали мичмана. А зайдя, остановился в изумлении – все свободное пространство выгородки было буквально завалено связками французских любовных романов.

– Кто у вас здесь охотник до этой дряни? – спросил он сурово.

– Корнилов! – был робкий ответ.

– Вестовой! – не оборачиваясь, крикнул Лазарев. – Весь хлам за борт!

Сам же виновник был зван в капитанскую каюту после вечерних чаев.

– Вот что, Владимир Алексеевич, – подошел к замершему в дверном проеме мичману капитан «Азова». – На сем вашим фривольностям конец! Отныне станете читать лишь вот эти книжицы. От них и дури в голове не будет, а польза несомненная. С этого я и начну ваше воспитание!

На столе стопкой лежали толстые тома навигации, морской практики и жизнеописания великих флотовождей.

* * *

В ночь перед уходом эскадры император прибыл на «Азов» вновь. Была полночь, и разбуженные свистками сонные матросы, одеваясь на ходу, стремглав выскакивали из люков.

– Снимайтесь с якоря! – объявил Николай, следуя во главе свиты на шканцы.

Оповестив эскадру фонарем о начале движения, «Азов» первым воздел паруса и положил руль на восток. Белая пузырящаяся пена с шипением отхлынула в стороны. Упираясь грудью в вымбовки, матросы выхаживали якорь. За кормой быстро окутывалась облаками парусов остальная эскадра. Ловя ветер, корабли постепенно набирали ход.

С восходом солнца на «Азове» подняли штандарт – символ личного предводительства императора своим флотом. На золотом поле двуглавый орел цепко сжимал клювами и когтями карты четырех морей: Белого, Азовского, Балтийского и Черного. Подъем самого главного флага империи корабли сопровождали оглушительным салютом. Штандарт на корабле – для моряков событие не частое. Последний раз его поднимал более четверти века назад еще император Павел...

Вытянувшись в кильватер, корабли держали курс на выход из Финского залива. За «Азовом» в струе держался 84-пушечный «Царь Константин», за ним 74-пушечные «Князь Владимир», «Иезекииль», «Александр Невский», «Сысой Великий», «Святой Андрей». Несколько поодаль по обеим сторонам главных сил следовали фрегаты: «Константин» и «Меркуриус», «Проворный» и «Кастор», «Вестовой» и «Диана», каждый в 44 пушки. Замыкал эскадру арьергард: 36-пушечные «Елена» и «Крейсер», да посыльные корветы: «Гремящий», «Усердие» и «Ахиллес».

За Красной Горкой, приведясь в бейдевинд и разделясь на два отряда, корабли провели показательные маневры. Сенявин волновался. Ведь столько лет сам уже не был в море, а тут еще эскадра не сплавана, команды не притерлись. Но все обошлось как нельзя лучше. Командиры дело свое знали, матросы были расторопны, и Николай остался вполне доволен увиденным.

В завершение учений Сенявин произвел примерное сражение. Часть кораблей, образовавших подветренный отряд, подняли красные флаги, другая, наветренная, паля холостыми зарядами, прорезала линию «противника» и атаковала его. Особенно лихо управился в этом маневре командир «Сисоя Великого» капитан 2-го ранга Дурасов. Он столь удачно проложил курс, что ухитрился дать два полновесных продольных залпа по подставившему ему корму «Азову». К 14 часам флот перестроился в одну колонну и лег в дрейф.

После маневров на флагмане подняли сигнал общего богослужения.

Весь напутственный молебен Николай, обнажив голову, отстоял в строю команды «Азова». Когда же корабельный иеромонах Герасим закончил песнопение, император простился с моряками словами:

– Надеюсь, что в случае военных действий с неприятелем будет поступлено по-русски!

Ответом ему было троекратное «ура». Императорская яхта легко отвалила от борта флагманского корабля. На корме ее золотой вязью значилось: «Дружба».

– Курс вест-норд-вест! – объявил Сенявин, самолично сверившись с картой и компасом.

Салютуя уходящей яхте палубными пушками, эскадра легла на развороте широкой дугой. Упругий балтийский ветер пучил полотнища парусов. На ходу перестроились в две колонны. Правую повел сам Сенявин. Левую – вице-адмирал Лутохин, державший свой флаг на «Князе Владимире». Мелкие суда составили арьергард под началом контр-адмирала Гейдена.

Так начался поход, навсегда вошедший в историю нашего Отечества одной из самых блистательных ее страниц.

Глава пятая

В походе

Эскадра адмирала Сенявина растянулась на несколько миль. Срываясь с гребней волн, летала по воздуху пена. Обтянутые винты гудели глухо и тревожно.

На траверзе Ревеля у острова Кошкар русских моряков поджидал первый сюрприз – британский фрегат «Галатей». Держась на почтительном расстоянии, англичанин некоторое время сопровождал эскадру, то забегая вперед, то, наоборот, пропуская ее мимо себя. Наконец, все подсчитав и определив, «Галатей» окончательно отвернула в сторону.

– Англичане есть англичане, – убрал зрительную трубу от глаз Сенявин. – Они и себе-то верят лишь по большим праздникам!

Появление фрегата вызвало заметное оживление и среди офицеров.

– Что-то почуяли британцы, коль аж до Финского залива добрались! Знали б, что мы и сами не знаем, куда путь держим! – высказал свое мнение лейтенант Нахимов.

– Известно, куда идем, – пожал плечами Бутенев. – Как всегда, в Средиземку турок бить, оттого и секретность такая.

– Как же бить, когда войны нет! – возражал ему подошедший Путятин. – Скорее будем плыть в Америку, помогать тамошним испанцам!

Никто на эскадре, разумеется, не знал, что на «Галатее» находился чрезвычайный посол Великобритании маркиз Герфорд. Маркиз спешил доставить императору Николаю последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Стоянка в Ревеле была краткой. Из исторического журнала эскадры: «Адмирал, находясь в порте сем, занимался на эскадре различными практическими и тактическими учениями, а для подкрепления здоровья экипажа оной приказал привозить свежее мясо и зелень и брать с берега свежую воду – достойное попечение достойного начальника».

Там же, в Ревеле, к эскадре присоединился бриг «Ахиллес».

Ни флагмана, ни командиры корабельные на берег не съезжали, но мичманов с лейтенантами пустили. Старик Сенявин к офицерской молодежи был снисходителен:

– Пусть разомнутся да карманы свои вывернут! Чего им тут с нами, стариками, киснуть, еще надоедим друг другу!

К полуночи, оставив все свои деньги в небезызвестном в морских кругах клубе «Черноголовых», вдоволь нафлиртовавшись с хорошенькими эстляндками в Екатерининтале, мичмана да лейтенанты возвратились на корабли с чувством исполненного долга.

На рассвете следующего дня эскадра оставила за кормой островерхие ревельские кирхи.

Из-за встречного ветра Сенявин решил не тратить время на заход в Свеаборг, а сразу развернул эскадру на восток.

У острова Кошкар эскадра разминувшись с английским фрегатом «Галатея». Капитан фрегата вежливо приветствовал русского адмирала. Английский капитан шел под всеми парусами.

– Ишь как поспешает, сердешный! – говорили, поглядывая на него, матросы. – Видать, уж больно что-то ему от нас надоть!

Как это обычно бывает, матросские предположения оказались недалеко от истины. Ни Сенявин, ни остальные наши моряки не могли знать, что на борту фрегата торопится в российскую столицу чрезвычайный посол маркиз Герфорд, везущий последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Путь русским морякам знакомый. Как всегда томительной была череда однообразных суток, заполненных вахтами, работами и учениями. То и дело недолгая радость попутного ветра сменялась долгой маетой томительных лавировок. Вот как описывал этот начальный период экспедиции один из ее участников: «Наше плавание с выхода из Ревеля... было так однообразно, что при всем желании я не могу ничего внести в журнал. Свежие и постоянно противные ветры, сильная качка, дождь, длинные вахты, однообразные повороты через фордевинд так надоели, что хотелось взяться за перо... Мы так привыкли к противным ветрам, что потеряли всякую надежду на попутный, но за всем тем свободное от службы время проводим довольно приятно в кругу своих товарищей...»

За Готландом корабли попали в первый крепкий шторм. Пришлось укрыться у берега, держась под малыми парусами. Больше

всего хлопот доставляли паруса, которые из-за плохого качества парусины то и дело рвались. В одну из ночей потеряли из вида бриг «Ахиллес», отставший из-за малого хода. Как всегда бывает в начале кампании, стали выявляться и всевозможные неисправности. То на «Святом Андрее» стронулись с места бимсы, и державший на этом корабле свой флаг контр-адмирал Гейден велел крепить их железными подпорами. Затем появилась течь на фрегате «Меркуриус», однако конопатчики справились за несколько часов. На траверзе острова Борнхольм Сенявина ожидала первая большая неприятность. Внезапно сильно потек 74-пушечный «Сисой Великий». По распоряжению адмирала эскадра легла в дрейф, и на потерпевший «Сисой» отправили шлюпками конопатчиков со всей эскадры. Расшатанные волнами пазы кое-как наскоро забили вымоченной в сале пенькой, но флагманам было ясно, что линейный корабль в отряд, выделяемый в Средиземное море, уже не попадет наверняка. Особенно сильно был огорчен такому повороту командир «Сисоя» Дурасов, еще недавно столь блестяще отличившийся перед императором на маневрах. За время шторма отстал бриг «Ахиллес».

– Название бриг имеет достойное, а вот ход дурной! – высказался по этому поводу адмирал. – А потому ждать не будем. Сможет, пусть догоняет, не сможет, пусть разворачивается обратно. Невелика потеря!

В Копенгагене корабли пополнились припасами, налились водой. Офицерство, сменяясь с вахты, ездило отобедывать в славящиеся своими изысками «Хотель де Май» и «Англетер» на сельдевые котлеты, вареных раков и старый добрый рейнвейн. Гардемарины, которым столь известные заведения были не по чину, да и не по карману, пили по кофейням горячий шоколад и гуляли по саду наследного принца Фрединсборг, где раскланивались на тенистых дорожках с датским королем, спешившим с удочкой в руках на рыбалку.

Приехал посмотреть российские корабли директор датской морской академии Вульф. Гостя, как положено, пригласили «отведать хлеба и соли» в кают-компанию. После десятой рюмки Вульф сообщил офицерам:

– Господа! Поздравляю вас, ведь вы плывете в Средиземное море блокировать Константинополь!

Офицеры ошалело переглядывались:

– Нам никто ничего такого не сообщал!

– Ах, полноте, господа! – рассеяно махал им рукой академический директор. – О том уже вся Европа знает... кроме, конечно, вас!

Из Копенгагена Сенявин доносил Николаю I: «...Западные крепкие ветры с пасмурностью и теперь еще продолжаются, эскадра, пользуясь сим неудобством быть на море, поспешает запастись свежей водой и с первым попутным ветром отправиться к Англии».

Получив послание от Сенявина из Копенгагена, где тот сетовал на негодные паруса, Николай I пришел в ярость, вызвав Моллера, он устроил ему взбучку:

– Ну когда же хоть что-то будет делаться у нас без пинков, сразу и как должно! Строжайше расследовать, отчего отпущены паруса худой доброты. Отрядить для сего комиссию, доложить немедленно, что открыто!

Увы, открыть ничего толком так и не удалось, а потому еще несколько лет наши моряки мучались со сгнившей на складах парусиной.

* * *

Во время стоянки в Копенгагене команды сидели на кораблях. Чтобы матросы не скучали, командующий велел давать им ежедневно по лишней чарке, играть музыку, а перед сном читать вслух сказки со счастливым концом.

И снова море... история донесла до нас достаточно сведений о судьбах великих мужей и до обидного мало о жизни обычных людей. Нетрудно узнать, что делал в тот или иной день король или знаменитый полководец, но почти невозможно выяснить, что делал тогда же какой-нибудь сапожник или скорняк. Ну а как складывался распорядок дня у моряка русского флота тех лет, о которых идет повествование? Чем они занимались в свободное от службы время? О чем мечтали? К счастью, такое свидетельство есть. Его оставил для потомков лейтенант Рыкачев, шедший в эскадре Сенявина на линейном корабле «Гангут». Вот как он описывает обычный день плавания: «... До 2-х часов ходил один взад и вперед на баке. Мечты сменялись мечтами, я с удовольствием вспоминал первые годы

молодости, и бог знает, чего не передумал! Но всего чаще мысли мои обращались туда... туда... все к одному предмету!

В 3 часа всех вахтенные офицеры и гардемарины собрались на шканцах, и начались наши любимые беседы о берегах Италии и Средиземном море. Отважные уже летели в Дарданеллы и, бог знает, остановились бы они в Константинополе, если бы голос вахтенного лейтенанта “на марсафалах!” не заставил нас разойтись по местам...

В 4-м часу приказано было на кухне развести огонь и готовить чай в кают-компанию. Пробило 8 склянок; рассыльные торопятся вызвать новых вахтенных, наконец, они вышли, мы пустились вниз, переменяли мокрое платье и вместе в кают-компании сели пить чай... К чаю мы потребовали ветчины, сыру и яиц и, позавтракав довольно плотно, провели еще два часа в приятной беседе... а в 6-ть разошлись по своим маленьким каюткам и легли спать...

Я проснулся в 10 часов. Везде еще скоблили и чистили. Выхожу на батарею и нахожу священника, собиравшегося служить молебен. Офицеры у пушки составили хор, я присоединился к ним, и мы пропели “многая лета” государю и императрицам. После службы завтракали у капитана, а там едва успел я сойти в кают-компанию, уже бьют рынду и нам опять пора на вахту... В два часа нас сменили к обеду, а в четыре после сытного обеда я очень неохотно вышел достаивать вахту. В шесть часов, при повороте, капитан много шумел на меня и, как, мне показалось, понапрасну. Зато, сменившись с вахты, на кубрике за чаем мы посмеялись над ним и над всем на свете. В 9-ть часов мы вышли подменить вахтенных ужинать, и потом сверху я спустился не надолго в кают-компанию. Там пели, играли на гитаре, пили вино, а некоторые играли в вист и в шахматы. Однако мне хотелось спать и я, не присоединившись ни к одной из партий, спустился еще ниже на кубрик в свою койку и как камень в воду до следующей вахты, т. е. до 4-х часов утра...»

...Проливы эскадра форсировала тяжело при шквальном ветре и никудышной видимости. Только у одного мыса Скаген было потеряно десять дней безуспешных попыток поймать нужный ветер. Но вот наконец проливные теснины позади, и бескрайнее Немецкое море мощно обрушило на корабли первую свинцово-серую волну.

– Сменить карты! – велели командиры, широко крестясь.

Штурманские помощники свернули старые проливные планы и раскатали новые, в дальнем углу которых уже значились британские берега.

На эскадре непрерывно игрались учения. Только закончится парусное, начинается пушечное, затем оружейное, а в довершение всего и абордажное.

Постепенно определились лучшие и худшие ходоки. Худшими оказались «Эммануил» и «Александр Невский», легкими на ходу – «Азов» и «Гангут», а лучшим из ходоков оказался фрегат «Проворный», вполне оправдавший свое имя.

В Английском канале снова пришлось поволноваться. На этот раз из-за неосмотрительности командира фрегата «Проворный» Епанчина. «Проворный» шел передовым форзейлем, и с него увидели обозначающую подводную скалу веку всего за какую-то сотню сажень. К чести Епанчина, он коим-то чудом все же успел отвернуть. Не растерялись и на других кораблях. Моментально всюду полетели вниз лиселя. Эскадра приводилась в бейдевинд. В конце концов все обошлось благополучно, но поволноваться пришлось изрядно. Сенявин был очень зол происшедшим и велел «Проворному» отныне в наказание следовать позади всего флота.

Утром 28 июля с первыми лучами солнца эскадра уже входила на знаменитый Спитхедский рейд. Союзники встречали наших моряков достаточно торжественно. Среди кораблей и фрегатов густо сновали шлюпки, гремела музыка. Молоденькие англичанки, сидя на банкетках, кокетливо посылали бравым русским морякам воздушные поцелуи...

У входа на рейд грузно покачивался на волнах старый 100-пушечный «Виктори» – флагман Нельсона при Трафальгаре. Над линейным кораблем развевался флаг командира порта адмирала Роберта Стопфорта. А с берега русскую эскадру уже давно пристально рассматривал генерал-адмирал британского флота герцог Кларендский.

На рейде встречал своих соотечественников и фрегат «Константин», успевший к этому времени доставить в Англию посла Волконского.

Гремели салюты. Наши залпировали адмиралу Стопфорту девятью выстрелами, герцогу – девятнадцатью, а его жене, младшей

сестре Георга IV, – двадцатью одним. В воздухе остро пахло жженым порохом, и порывистый ветер быстро разносил черные клубы дыма.

Едва ж корабли положили в спитхедскую тину свои становые якоря, рядом вновь засновали шлюпки. Теперь, однако, в них был люд далеко не праздный – торговцы-комиссионеры, наперебой предлагавшие свои услуги. Все официальные визиты были назначены на следующий день.

... Ранним утром русские моряки проснулись от внезапной бешеной артиллерийской пальбы. Кубарем скатываясь с коек, все бежали вверх. Протирая глаза, таращились, как невесть откуда взявшийся британский линкор «Ворспайт» яростно расстреливал из всех пушек брошенные в воду ящики. На шканцах «Азова» равнодушно позевывал в кулак Сенявин:

– Англичане в своем духе. Мощь нам демонстрируют!

Затем, попросив зрительную трубу у Лазарева, он навел ее на палящий корабль и долго что-то разглядывал. Возвращая же трубу, усмехнулся:

– А палят-то дерьмово. Ящики у них, почитай, все целехонькими плавают! Пойдемте досыпать, Михайла Петрович!

В батарейных палубах матросы чертыхались, снова укладывались в брезентовые койки-гамаки:

– Эка невидаль по головешкам палить! Енто у нас и рекрут может, скажи, Семка?

– А то-та! – слышалось из угла, где здоровенный Семка натягивал на голову одеяло. – Ентому хфокусу вы меня, Фрол Макарыч, еще в Кронштадтах учивали!

В полдень Сенявин нанес визит адмиралу Стопфорту, затем беседовал и с герцогом Кларендским, угощаясь пивом с устрицами. Попросил, его, между прочим, избавить эскадру от беспокойного соседства с «Ворспайтом»:

– Уж больно шумный, и главное, что без всякой пользы!

Герцог не возражал. Поговорили и о вопросах большой политики, балканских делах. Опытный в подобных делах Сенявин сразу завел разговор о снабжении британской стороной наших кораблей в Средиземном море. Англичанин в целом был «за», однако ничего конкретного не сказал. Удалось, однако, закупить трехмесячный запас

провизии для судов, которые уйдут с Гейденом дальше в Средиземное море. Оптом закупились штурманские инструменты.

Пополняли припасы и сами моряки. Старосты кают-компаний закупили оптом дешевые фарфоровые сервизы, взамен разбитых на качке. В часы отдыха офицеры водили матросов смотреть местные парусные гонки, где те с азартом болели за какого-то рыжего британца, ибо тот был похож на боцмана с «Иезекиля» Петровича. Ему так и орали:

– Давай, Петрович! Жми, Петрович!

А когда последний выиграл здоровущую серебряную вазу, качали британца, как своего, на руках.

Тем временем Сенявин, встретившись с российским послом князем Ливеном и получив от него последние петербургские инструкции, ознакомился с проектом договора о русско-франко-английском посредничестве в греческом вопросе. Вместе с Сенявиным в разговоре участвовал и Гейден. Ему вести корабли в Средиземное море, а потому он должен быть в курсе всех дел.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

notes

Миаулис Андрей Вокос (1772–1835) с детских лет плавал простым матросом на торговых судах, быстро разбогател. С началом восстания вооружил на острове Идра собственное судно и воевал в составе идриотской флотилии наварха Томбазиса. Позднее сам возглавил эту флотилию. Одержал ряд побед над турками. После установления греческой независимости командовал эскадрой регулярного флота. Активно участвовал на стороне оппозиции в гражданской войне. Впоследствии был прощен и руководил восстановлением греческих ВМС.

Канарис Константин (1792–1877) – национальный герой Греции. Уроженец острова Псара. Участник и победитель ряда морских сражений. После провозглашения независимости Греции являлся министром морского флота в 1843–1844 гг. и 1854 г., глава правительства в 1864–1865 гг. и 1877 г.

3

Рейс-эфенди – должность в султанской Турции, соответствующая европейскому министру иностранных дел.